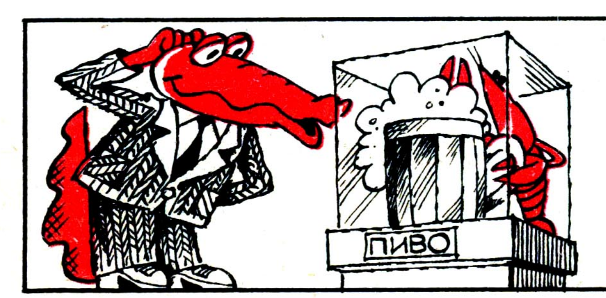

КРОКОДИЛ

ISSN 0130-2671

№ 34 ДЕКАБРЬ 1989

В. ШКАРБАН. На конкурс «ГЛАЗАМИ ГЛАСНОСТИ».

Почему «Жигулевское» такой же дефицит, как «Жигули»?

Стр. 9.

КРОКОДИЛ
№ 34 (2656)
декабрь 1989

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Главный редактор
А. С. ПЬЯНОВ.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ
ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Сдано в набор 31.10.89.
Подписано к печати 09.11.89.
А 00403.
Формат бумаги 70×108⅛.
Бумага офсетная.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,80.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Уч.-изд. л. 4,54.
Тираж 5 200 000 экз.
(1-й завод: 1 — 2 600 108).
Зак. № ·1487.
Цена 30 коп.

НАШ АДРЕС: 101455,
ГСП-4, Москва,
Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
экономики — 250-46-68,
морали и права — 250-16-63,
литературы — 250-09-70,
писем — 212-13-93,
международного — 250-45-78,
художественного — 212-30-00.
Приемная — 250-10-86.

Отпечатано в типографии «Уральский рабочий», гор. Свердловск, проспект Ленина, 49.
Тираж 5 300 000 экз. (4 завод 4 000 001—5 300 000). Зак 1860

Арамаис САAКЯН

Я ВЕРЮ...

Монолог сатирика

В последнее время много судят-рядят о том, что, мол, в нашей стране нет ничего хорошего. Я решительно против такого мнения.

У нас, например, самая лучшая бюрократия. Ежегодно в официально-деловой сфере используется до 100 миллиардов разных документов. В нашей стране культ не личности, а бумаги.

И кто это говорит, что мы ни в чем не занимаем первенства? Мы первые по количеству речей на душу населения. И по числу проверяющих и контролирующих. Проверяющих больше, чем проверяемых. Кто говорит, что в нашей жизни нет ничего вечного? А вечные очереди, вечные «временные трудности»? Кто уверяет, что нет у нас развития и прогресса? А разве не стремительно развивается взяточничество? Не множится несправедливость? Кто это толкует: мало рынков? А разве некоторые государственные учреждения не превратились в настоящий рынок, где направо и налево продаются должности, квартиры, фонды и т. д.? Иные считают госучреждения собственной фазендой, а подчиненных — своими изаурами...

Недавно приобрел недоброкачественное изделие, внутри — клочок бумаги с припиской от руки: «Работа выполнена в соответствии с зарплатой». Но мне кажется, что нужно судить не этого человека, а породившую его систему. Обвинять прораба за разрушение землетрясением здания мало, надо винить систему хозяйствования. Большая часть наших ошибок порождена системой. «Единобожие есть... безбожие». Плюрализм пока остается словами без подкрепления.

Сейчас началось новое поветрие: тянем друг друга за воротник, оскорбляем взаимно, ругаемся, задевая личное достоинство, выволакиваем на свет темные стороны биографии — будто бы заняты перестройкой. У многих внутри какая-то злоба, мстительное чувство, стремление выказать свое превосходство, мучить, ломать и разрушать (как будто враги мало нас мучили, ломали, разрушали!). Ураган инфарктов и инсультов! Умерщвляют человека все вместе и каждый в отдельности.

Часто обманываясь, люди потеряли веру в справедливость. Может, именно здесь корень зла?

Сколько людей обманулись во время выборов!.. В ряде мест вместо предвыборной кампании действовала «предвыборная мафия», ловкие и изворотливые члены которой наряду с хождением по домам, телефонными звонками, устно и письменно угрожали, терроризировали, заставляли, давили, упрашивали людей, чтобы вычеркивали имена одних и оставляли в списке других. Даже листовки бросали — с вычеркнутыми именами неугодных. О кандидатах-соперниках распространяли низкие и лживые слухи, порочили их семьи, возбуждая ненависть. И это честные и свободные выборы? И разве избранный нечестным путем депутат способен честно служить народу? Нет, он будет служить только себе и своей группе. Такие депутаты до выборов лебезят перед избирателями, после выборов презирают и игнорируют их. Разве тот, кто презирает народ, может быть народным депутатом? Настоящий депутат тот, кто служит народу, даже не будучи избранным.

Конечно, грязные делишки творятся не потому, что нет мыла, а потому, что много мыльных пузырей в речах.

Человек появляется на свет, чтобы жить. Мы же, к сожалению, рождаемся для борьбы. Сталин хотел создать богатое государство с нищим населением — чем беднее, тем больше зависим. Социализм стал «обществом бедных». Создалось «равенство бедных». Тот, кто пытался хорошо жить, считался кулаком и был раздавлен железным кулаком репрессий. В счастливых ходил тот, кто был беден. Поэтому советский народ считал себя самым счастливым в мире. Была создана страна, где властвовали бедность и жестокость.

Но и после Сталина с бедностью не было покончено. Принимались многочисленные постановления, но ими ведь сыт не будешь. В сельском хозяйстве было посеяно и выращено больше постановлений, чем урожая. В годы застоя хотя бы некоторые товары «застаивались» на прилавках, сегодня и их нет — испарились. Талоны на мясо, масло, кофе и сахар перерезают нити веры. Космос полон космическими кораблями, а магазины пусты. Не напоминает ли это свадьбу, за праздничным столом которой нет хлеба?

Сегодня справедливость — самый большой дефицит. Он тоже берет начало со сталинских времен. Иные считают, что довольно уже хулить и обвинять Сталина. Согласен. Возле мертвого льва обычно все храбры и смелы. Один тянет за хвост, другой пинает ногой голову и расхаживает по туше, громко издеваясь, третий ругает как может, но если вдруг лев оживет, все онемеют от страха.

Но дело в другом.

По моему мнению, у Сталина не было ошибок. Ошибаться может невинный человек. А он преступник мирового масштаба: о каких ошибках может идти речь? Он ведь не одного человека сгубил, а десятки миллионов. И немало еще тех, кто поклоняется этому чудовищу. А все потому, что в них рабская душонка. Такие предпочитают свинцовую тяжесть кулака. Невыразимой жестокостью сталинского времени порождена жестокость у некоторых наших людей. Почему бы им не быть жестокими? Храмы разрушили, Библию посчитали вредной, друзей народа объявили «врагами народа». Правоохранительные органы ломали не только души, но и человеческие тела. Откуда такая жестокость? Ученые выяснили, что все убийцы в детские годы мучили животных. Милосердие считалось слабостью: «Коммунист должен быть беспощадным к врагам».

Однажды пришел ко мне юноша, лишившийся обеих ног. Так вот, с него вымогали деньги за костыли и протезы. Чему удивляться еще, когда от пострадавших в землетрясении требуют взятку? Воруют, не стесняясь, присланную для оставшихся без всякого имущества одежду, домики, выделенные бездомным, предназначенные для больных лекарства. У нас удушье не от загрязнения окружающей среды — от загрязнения морально-нравственной атмосферы. Мы задыхаемся не от дыма, а от несправедливости. Особенно в области национальной политики.

Вот почему единственный путь спасения — это быть честным. И в словах, и в делах. Если справедливость не восторжествует, перестройка не состоится. Если перестройка не состоится — справедливости не жди уж тем более. Видимо, перестройке нужна перестройка...

г. Ереван.

Н. БЕЛЕВЦЕВ, г. Белгород. На конкурс «ГЛАЗАМИ ГЛАСНОСТИ».

ЛЕД ТРОНУЛСЯ

ЖУРНАЛИСТУ ПРИНЕСЕНЫ ИЗВИНЕНИЯ

Несколько слов предыстории. В № 27 «Крокодила» за 1988 г. была опубликована заметка нашего корреспондента Ю. Казанцева, которая называлась «Не ждали!». В ней говорилось о бездушном отношении в гостинице «Северная» (г. Тюмень) к двум воинам-«афганцам» (парни обратились с просьбой о ночлеге, но в полупустой «Северной» для них не нашлось места. Места были найдены лишь тогда, когда вмешался сотрудник «Крокодила», живший в этой гостинице).

После публикации заметки «Не ждали!» в редакцию журнала пришло письмо от коллектива «Северной», в котором говорилось, будто бы журналист оболгал их славный коллектив, был скандален и пьян.

В ответ на это заявление Ю. Казанцев, кстати, впервые в практике «Крокодила», обратился с открытым письмом в Тюменский суд и потребовал призвать клеветников к ответу (см. «К барьеру!», № 8).

И вот суд состоялся. В его ходе было выяснено, что инициатива изготовить порочащее журналиста письмо исходила от администрации гостиницы; также было выяснено, что работники гостиницы, подписавшие письмо (Р. Г. Залкина, Н. И. Стафеева, Л. М. Агалакова, Т. М. Леонова и др.), вообще не видели ни солдат, ни Ю. В. Казанцева, а подписались по просьбе администрации гостиницы (конкретно тов. Колесника, ныне уже бывшего заместителя директора «Северной»).

Руководствуясь ст. 7 ГК РСФСР, ст. 191, 193 ГПК РСФСР, народный суд решил:

Порочащие сведения о нахождении специального корреспондента журнала «Крокодил» т. Казанцева Юрия Викторовича в нетрезвом состоянии в гостинице «Северная»... признать не соответствующими действительности.

Обязать руководство гостиницы и администратора этой гостиницы Волкову Валентину Дмитриевну принести тов. Казанцеву Ю. В. извинения в письменной форме по месту его работы в срок не позднее 10 дней со дня вступления решения в законную силу.

В указанные сроки письменные извинения журналисту были принесены и приняты с надеждой, что впредь наши граждане, прежде чем подписать какую-либо бумагу (пусть и по просьбе руководства), будут прислушиваться к голосу совести.

БУДЕМ НАДЕЯТЬСЯ...

В № 18 был напечатан фельетон Н. Квитко под игривым названием «Надеждой сладостной дыша...» О чем речь? О мебельном дефиците и о том, что делается мебель на базе токсичных смол.

Заместитель министра лесной промышленности Ф. Г. Линер в своем ответе раскрыл нам секрет, почему исчезла мебель. Дело в том, что мебельная промышленность систематически наращивает ее выпуск, перевыполняя планы, но удовлетворить спрос не может «в связи с активным развитием с конца 1988 года индивидуального садоводчества». Вот ведь какая незадача!

Но заместитель министра обещает, что мебельный дефицит будет все же преодолен, поскольку «расчетные объемы производства на 1990 год по выпуску мебели увеличиваются на 1045 млн. рублей (14%) к уровню 1989 года, что в три раза выше ежегодного прироста за прошедшие три года пятилетки; наращивается производство мебели с использованием прогрессивных материалов.., повышающих срок службы, изделий».

Что касается токсичности древесностружечных плит, то «предприятия древесностружечных плит Министерства, имеющие собственное смоловарение, перешли на выпуск малотоксичных смол и поставляют мебельным предприятиям древесностружечные плиты, отвечающие мировым санитарным требованиям. По решению Бюро химико-лесного комплекса Совета Министров СССР предприятия химической промышленности СССР перейдут на производство малотоксичной смолы КФ-МТ-15 с 1 октября с. г.».

Тов. Линер сообщает также, что «в настоящее время Министерство согласовывает с трудовыми коллективами повышенный государственный заказ на 1990 год и продолжает работу в Госплане СССР и Госснабе СССР по обеспечению производства мебели материальными ресурсами».

Итак, Минлеспром СССР дает обещание, что мебельный дефицит будет наконец преодолен и что мебель будет делаться из малотоксичных материалов. Все как будто хорошо, но одна опасность нас пугает: а вдруг опять набегут садоводы или, скажем, кооператоры, которые захотят обставить свои офисы новой мебелью? Ведь «ежегодная потребность в мебели для садоводческих участков,— пишет тов. Линер,— составляет 500 млн. рублей»! Вот беда-то...

Однако будем надеяться.

ВИЛЫ В БОК!

МЯСО ИЗ КОЭФФИЦИЕНТА

Восточного мудреца спросили однажды, что такое крокодил? «Крокодил,— ответил мудрец,— это такое животное, у которого от головы до хвоста три метра, а от хвоста до головы четыре».

Это насчет крокодилов. С крупным рогатым скотом все иначе.

Ну, к примеру, как зачтется колхозу или совхозу сданный на мясокомбинат скот? Уверены, что наивное, привыкшее оперировать категориями здравого смысла большинство читателей скажет: сколько сдал, столько и зачтется. И... ошибется.

Возьмем в качестве примера колхоз «Заря» Щебекинского района Белгородской области.

В начале этого года колхоз, предварительно взвесив на месте, доставил на Белгородский мясокомбинат 781 голову крупного рогатого скота (КРС) общим живым весом в 404 014 кг. Но по квитанции мясокомбината, переданной также в облстат, получилось 431 245. Добавка солидная. В пересчете на каждую голову по 35 кг лишних. Чудеса, да и только. Но, как показывает практика, чудеса бывают лишь в сказках, в жизни же их вполне заменяют инструкции. В нашем случае — действующие с конца 1980 года «Единые правила сдачи-приема скота и расчетов за него по весу и качеству мяса», родившиеся в головах мудрецов из бывших союзных министерств сельского хозяйства, мясной и молочной промышленности, а также заготовок и утвержденные союзным же Минфином и бывшим ЦСУ СССР. По мысли изобретателей, правила эти должны посредством различных коэффициентов (для КРС высшей упитанности в Белгородской области он равен 2,07) компенсировать труженикам животноводства утерю веса их питомцами по пути от фермы до бойни из-за отсутствия кормления и естественного опорожнения желудочно-кишечного тракта.

Как это делается? Да очень просто, при помощи элементарной арифметики.

Нам уже известно, что колхоз «Заря» отгрузил в живом весе 404 014 кг скота. На мясокомбинатовских весах в силу названных выше причин скот полегчал на 49 773 кг и потянул уже на 354 241 кг, из которых затем было получено 208 330 кг мяса. Ну а затем самая малость: помножить данное количество мяса на требуемый коэффициент, и результат, исключающий всяческую потерю в весе, в кармане. Тем более что комбинату все эти манипуляции до лампочки — он платит хозяйству за реальное мясо.

Теперь понятно, почему у нас, по сводкам Госкомстата СССР, вроде бы одно количество мяса, а на прилавках магазинов — вроде бы другое. Вот непонятно только, кому выгодно играть в цифры, делая из отчетов бумажных бычков? Тем более что вышеупомянутых министерств давно нет. Кроме, конечно, Минфина. Но разве Минфину нужно бумажно-отчетное мясо?

О. ВАЛЕРЬЕВ.

С ПОДАРКАМИ — НЕ СУЙТЕСЬ!

Р. А. Маркарян со своею супругой владели дачным домиком в поселке Свердловска Щелковского района Московской области в течение десяти лет. Владели спокойно и законно, имея официально заверенную дарственную и уплачивая все возможные налоги купно со счетами за электроэнергию.

Проблемы начались, когда в 1984 году супруги решили подарить свое загородное обиталище детскому дому. Как водится, Рачик Аршакович пошел в Щелковский горисполком бить челом — разрешите, мол, подарить, детям радость будет...

— Вы что же,— одернул его предгорисполкома Г. М. Ануфриев,— считаете, что находящиеся под присмотром богатого нашего государства дети нуждаются в ваших подачках?

Но Рачик Аршакович еще до перестройки имел свои представления о богатстве нашего государства и таких понятиях, как милосердие и благотворительность, о чем и сообщил Г. М. Ануфриеву.

— Ну, коли вам дом без надобности,— решил тот,— так мы найдем хозяина!

Решил — и ничтоже сумняшеся отдал его родственнице Р. А. Маркаряна — той, что десять лет назад отдарила детолюбам дом, а сейчас пожалела о стародавнем своем решении.

Потрясенный, Рачик Аршакович кинулся искать справедливости в Щелковский горсуд.

— Это же наш дом! — тряс он бумагами в приемной суда.

— В действия исполкома мы вмешиваться не будем,— был ответ.— Вы что же, хотите, чтобы мы судили Советскую власть?

Примерно таким же был и ответ Мособлсуда.

Со столь категоричными формулировками не согласились ни Р. А. Маркарян, ни заместитель Прокурора РСФСР А. В. Титов, заявивший в сентябре 1987 года свой письменный протест по поводу действий суда.

Дело перекочевало в Калининградский городской суд — снова заглохло под девизом «Советскую власть судить нельзя!..» История продолжается до сих пор.

Так-то вот подарочки дарить!..

Р. ПЕТРОВ.

КАК МУСОР ВЕЗЛИ ИЗ МОСКВЫ К ОКЕАНУ

Мусор есть везде, и на станции Москва-Товарная Октябрьской железной дороги его набралось на целую платформу — 40 тонн. Вообще мусор из избы принято выносить, но куда? Какой-нибудь умник скажет, что проще всего погрузить на автомашины и вывезти на ближайшую свалку. Так-то оно так, но стоит ли загрязнять окружающую среду поблизости?

На станции Москва-Товарная решили иначе. Погрузили мусор на платформу и отправили. Куда? Жутко далеко. На Дальний Восток. Кто знает, возможно, на станции Москва-Товарная рассудили, что там рядом великий океан, если ссыпать в него, будет незаметно.

Об удивительном путешествии платформы с мусором за 9147 километров рассказали редакции ревизоры Хабаровского отделения Дальневосточной железной дороги Н. Васьковский и Ю. Мушта.

Перво-наперво на мусор нужно было оформить перевозные документы. И это сделали. Правда, оформили как попало, мусор все-таки. Но как бы то ни было, из них довольно ясно следовало, что «платформа с мусором» следует из Москвы получателю — станции Угольная под Владивостоком, хотя, надо полагать, у них и своего мусора более чем достаточно.

Платформа с мусором триумфально следовала через входные пункты десяти железных дорог. На ст. Тайшет оформили документы на дальнейшую перевозку мусора и отправили ее дальше. На станциях Иркутск, Петровский Завод поступили так же, и никому в голову не запал очевидный вопрос: зачем мусору следовать из Москвы на берег Тихого океана?

Только на ст. Хабаровск осмотрщик-ремонтник вагонов Ю. Самарин поинтересовался, зачем мусор едет по всей великой Транссибирской магистрали. Лишь после этого платформа была направлена в ремонтный тупик в ожидании решения, кому выдать мусор. Стоимость провоза никому не нужного мусора составила 1071 рубль, не считая платежей за маневровые работы и другие операции. Между прочим, эта анекдотичная перевозка состоялась, несмотря на острую нехватку порожних платформ, за что железнодорожников поругивают радио, телевидение, пресса.

Н. СКОЛКИН.

ТРУСЦОЙ НА ПАРНАС!

Нам в этом никто не поможет.
От этого нет защиты.
Нет ничего, что не может
Завтра же стать дефицитом.

И. Ольжич, переводчик, г. Киев.

По каплям радость жизни разлита,
Весь день у пчел со сбором — маета.
А в улье трутни, время зря не тратя,
Захватывают лучшие места.

* * *

Трудиться бюрократу не резон —
От дела он окладом огражден.
Избавьте бюрократа от оклада —
Как миленький, забегает и он!

В. Сумный, художник, г. Первоуральск.

Подрались меж собой два брата —
И оба ходят в синяках.
— Что происходит здесь, ребята?
— Играем, тетя, в Карабах.

О. Крошеницына, рабочая, г. Новодвинск.

БЛАГОДАТЬ

Пришла пора бесхлопотно пожить,
Попребывать в нирване иль в прострации:
В госторге нынче нечего купить
И не на что — в кооперации.

Л. Морозов, г. Тольятти.

Бабка плачет, недовольна,
В босоножках ножкам больно!
Лапти лучше поношу —
Стилем ретро пофоршу!

З. Помазанова, пенсионерка, г. Опочка Псковской области.

Перемены нас радуют стойко.
Но хотелось бы видеть такое:
Чтобы всюду была перестройка,
А вот в ценах — период застоя!

Б. Коган, электрослесарь, г. Москва.

В Тульской области, кроме сахара и СМС, по талонам продаются школьные тетради.

Теперь у нас новый порядок —
Ввели на тетради талон.
Неужто из школьных тетрадок
Придумали гнать самогон?..

С. Дорохин, студент, г. Новомосковск.

«МОРЖИ»

Как в ледяную воду погруженье,
Когда тебя подвергнут униженью.
Иной раз удивишься от души:
Есть и на эти случаи «моржи».

ВЕТЕРОК

Я окошко раскрыл ему.
Быстро рукопись он листает,
Как плохие стихи читает...
Не читать же их мне одному.

В. Смирнов-Фролов, г. Москва.

В ОДНОМ РАЙКОМЕ

Фельетонист! Сбылись твои мечты:
Прошла пора безгласности проклятой;
Пиши отныне — все, что хочешь ты,
И все, что мне понравится,— печатай!

ЭКОНОМЫ

За морями купили телушку —
Золотой расплатились полушкой!
А ведь дома за эту полушку
Мы б купили корову с телушкой...

В. Горный, г. Канск.

Несмотря на то, что по загрязненности атмосферы Мариуполь занимает второе место в Союзе, намечено строительство еще двух коксовых батарей.

Больше кокса! — центр наметил.
Смрад вползает в окна, в двери.
Плачут мамы, плачут дети,
Но... Москва слезам не верит.

Евг. Банников, пенсионер, г. Мариуполь.

Операция КООП

А. КАЗАРИНА, кандидат юридических наук,

Ю. БОРИН, специальный корреспондент Крокодила

КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ В ОДЕССЕ

В свое время Бабель написал рассказ из жизни налетчиков под названием «Как это делалось в Одессе».

Кто такие налетчики? Это такие специалисты по изыманию материальных ценностей и денег.

Теперь в Одессе многое упростилось. Зачем, спрашивается, устраивать бешеную гонку, стрельбу и прочие глупости, когда можно изъять матценности тихо, мирно и на законном основании? На основании Закона о кооперации.

Нет, авторы, конечно, не против Закона и не против кооперации, дай ей бог здоровья. Но есть одно маленькое «но». И это крохотное «но» постепенно разрастается в довольно большое «НО».

Предположим, что в один прекрасный день всеми уважаемому человеку, кандидату наук и доценту Одесского института народного хозяйства Виктору Петровичу Прихно пришла в голову блестящая идея организовать кооператив. Разве если человек доцент и кандидат, то ему противопоказана кооперативная деятельность? Нисколько. Но не забудьте, что дело происходит в веселом городе Одессе, поэтому Виктор Петрович организует сразу два кооператива. Один — для себя, а другой — для любимого сыночка Жени, Евгения Викторовича. Конечно, Евгений Викторович еще не доцент и даже не кандидат, но уже пишет диссертацию, так что в скором времени сможет стать и тем, и другим, поэтому без собственного кооператива ему никак.

Но вот возвращается с работы Женина мама Инна Георгиевна Паращук. Она возвращается из техникума, где что-то там преподает. И Инна Георгиевна говорит своему мужу и сыну:

— Я тоже хочу кооператив.

Слово мамы закон. Поэтому семья Прихно-Паращук открывает сразу три кооператива. Папа становится председателем кооператива «Гранит», мама — кооператива «Рабочая одежда», а сын руководит кооперативом «Вторкомплекс».

Но поскольку сыночка нельзя оставлять без присмотра, то папа становится у него заместителем председателя по экономике, а мама — простой рабочей. Одновременно мама по совместительству устраивается простой рабочей в папин кооператив, а папа — в мамин.

Все бы хорошо, но выясняется, что забыли Феодосию Леонидовну, которая Виктору Петровичу приходится тещей, а Инне Георгиевне — родной мамой. Евгению же Викторовичу соответственно бабушкой. Правда, в силу своего весьма почтенного возраста Феодосия Леонидовна на высокие посты не претендует. Она согласна быть простой рабочей в двух из трех семейных кооперативов. После расстановки кадров все кооперативы регистрируют в райисполкомах г. Одессы.

Теперь вы понимаете, как это делается в Одессе?

Что, вы думаете, должны делать эти три дружных кооператива? Если посмотреть в их уставы, то они должны перерабатывать разные отходы и всяческое вторичное сырье, поскольку состоят при «Одесснабсбыте» Главснаба УССР. Но, спрашивается, кому интересно копаться в утиле? Кому нужны эти грязные тряпки и разное барахло? Вот почему, несмотря на различие названий и уставного профиля, все три кооператива шьют обычные рабочие рукавицы. И, конечно, не из отходов, а из самого что ни на есть кондиционного сырья — винилискожи, договор на поставку которой «Одесснабсбыт» заключил с Одесским же заводом кожзаменителей. А чтобы еще теснее были связи с «Одесснабсбытом», двух работников этой организации торжественно принимают в лоно кооперативов. Александра Игнатьевна Мищенко, которая в «Одесснабсбыте» занимается «снабом», становится, естественно, инженером по снабжению «Вторкомплекса». А Светлана Николаевна Мартыненко, которая в «Сбыте» замначотдела, занимает в «Рабочей одежде» скромную должность бухгалтера.

Вы еще не запутались, читатель?

А между тем все очень просто. С помощью «Одесснабсбыта» добывается не только сырье, но и помещение. Если вы думаете, что в Одессе получить помещение для кооператива раз плюнуть, то вы глубоко ошибаетесь. Очень даже нелегко. Но не для семьи Прихно. И вот уже кооперативная семья частично въезжает во вновь отремонтированное помещение на шестом километре Овидиопольского шоссе, в дом, который занимает предприятие № 1 «Одесснабсбыта». Причем, заметьте, без всякого договора на аренду.

Так это делается в Одессе.

Но если вы, читатель, опять же думаете, что папа, мама, сын и любимая теща с утра до вечера только и делают, что шьют рукавицы для «Одесснабсбыта», то и на этот раз вы глубоко ошибаетесь. Шьют рукавицы оформленные по трудовому соглашению наемные работницы. А руководители вкупе с тещей стригут купоны. И уже столько настригли, что даже решили утаить кой-какие доходы от государства.

Ах, чего не бывает в славном городе Одессе!

Но тут, не к ночи будь сказано, появляется прокуратура. Она появляется и выясняет, что только в одном «Вторкомплексе» скрыто от обложения тринадцать тысяч рублей доходов. Правда, прокуратура докапывается до этого с большим трудом, потому что учет там так запущен, что черт ногу сломит. Хотя в данном кооперативе бухгалтером трудится Людмила Гринь, которая имеет высшее образование и преподает в том же институте и даже на той же кафедре, где и Виктор Петрович Прихно.

Конечно, Виктор Петрович очень обрадовался, что пропавшие деньги нашлись, и сказал укоризненно:

— Люда, по-моему, ты ошиблась.

Потом ошибались все — и сам Прихно, и его сынок, и мама. Но прокуратура им помогла исправить ошибки, после чего кооператоры обязались внести в бюджет недовнесенные налоги в сумме 14,3 тысячи рублей. Кроме того, прокуратура составила акт, где отметила эти и многие другие довольно-таки вопиющие нарушения закона, передав его в Малиновский райисполком.

Мы не знаем, как дальше намерен поступить райисполком, а также каковы будут шаги «Одесснабсбыта», под крылышком которого приютился этот, прямо скажем, не очень порядочный триумвират. Но надо честно признать, что так делается не только в Одессе. И, может быть, именно поэтому из-за таких вот кооперативов народ в своей массе недолюбливает кооператоров, что весьма ярко отразилось на сессии Верховного Совета СССР. Некооперированный народ считает всех кооператоров жуликами, хотя это, конечно, не так. И нельзя всех поголовно подозревать в нечестности, потому что такие подозрения заведут нас очень и очень далеко.

Но вот в чем беда — эта неосознанная и не всегда оправданная нелюбовь народа к кооператорам распространилась на иных руководителей, которым надо, казалось бы, смотреть глубже и видеть дальше. И вот уже на основании «народного возмущения» в Краснодарском крае, например, проводится тотальная ликвидация кооперативов. Их там прихлопнули 322. Без разбору. А первый секретарь крайкома партии И. Полозков заявил на заседании бюро крайкома:

— Мы должны реагировать по существу, а не по закону!..

Но если первый секретарь крайкома считает, что законы писаны не для него, то что там говорить о простом кооператоре? И зачем тогда, спрашивается, Верховный Совет со своими комитетами и комиссиями корпит над каждой буквой Закона о кооперации? Зачем все эти дискуссии, обсуждения и голосования? Неужели для того, чтобы законы, принимаемые высшими органами власти, отменялись одним мановением руки какого-нибудь местного начальника? Или нарушались любым кооперативом?

Нет, так не должно делаться ни в Одессе, ни в любом другом уголке нашей большой страны.

г. Одесса.

МИМОХОДОМ

Заслуженный работник культуры и отдыха.

Юрий КОПЫЛОВ, г. Куйбышев.

Я сумел бы по капле выдавить из себя раба, но как из моего начальника выдавить рабовладельца?

Игорь АКУЛИЧ, г. Минск.

О, сколько нам открытий чудных готовит сокращенье двух заместителей директора нашего НИИ!

О. ХАИТ, г. Горький.

Диагноз: ущемление заседалищного нерва.

Г. СУЧЕЛЕВ, г. Мариуполь.

Особенно легко переносится жажда деятельности.

Как искоренить то, что и корней-то не имеет?

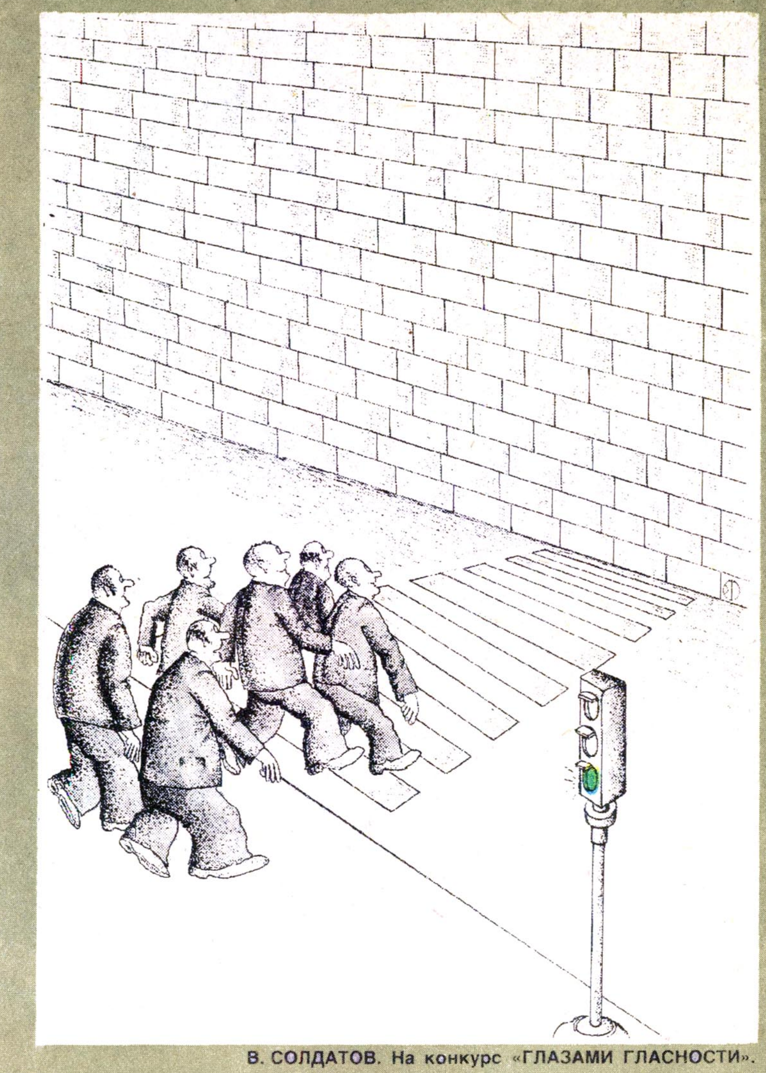
А. АНИСЕНКО, г. Кузнецк.

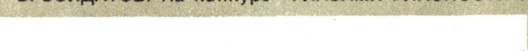
Многое из того, что охраняется государством, разрушается временем.

Андрей ГОТОВСКИЙ, г. Москва.

Т. ЗЕЛЕНЧЕНКО, г. Харьков. На конкурс «ГЛАЗАМИ ГЛАСНОСТИ».

В. СОЛДАТОВ. На конкурс «ГЛАЗАМИ ГЛАСНОСТИ».

Д. БОНДАРЕНКО, г. Макеевка. На конкурс «ГЛАЗАМИ ГЛАСНОСТИ».

Р. САМОЙЛОВ, В. ТИЛЬМАН (тема).

Юрий БЕЛЯВСКИЙ

ЧЕЛОВЕК ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ

О КАСКАДЕРАХ, «ШКОЛЕ ВЫЖИВАНИЯ» И КОЕ О ЧЕМ ЕЩЕ

Фото С. ИВАНОВА и Е. УСПЕНСКОГО.

Каждое поколение советских детей имеет свою профессиональную мечту. В отдаленные времена моего детства, когда мальчики носили сатиновые шаровары или коротенькие штанишки на бретельках, а понятие профориентации считалось если и не классово чуждым, то сугубо не нашим, вся молодежь, переживавшая период смены молочных зубов на постоянные, твердо делилась на будущих летчиков и матросов. Правда, впоследствии наиболее усидчивые стали докторами наук, а наиболее умные рубщиками мяса, но это уже проза жизни, а я говорю о мечте...

Несколько дней назад я провел экспресс-исследование среди подрастающего поколения своего двора. Маленькие обладатели фирменных джинсов и футболок с надписью «Перестройка» почти так же строго, как мы когда-то на летчиков и матросов, разделились на кооператоров и каскадеров. С первыми в наш век повальной материальной заинтересованности и социалистической предприимчивости все было более или менее ясно, а вот профессиональные пристрастия вторых меня заинтересовали. Я-то лично в их возрасте о наличии такой профессии и не подозревал, пребывая в полной уверенности, что если Жерара Филипа в «Фанфане-Тюльпане» кто и подменял, то лишь в те моменты, когда ему приходилось целоваться с женщинами.

Юные потребители видеопродукции конца восьмидесятых на этот счет куда как просвещенней, но привлекает их в каскадерстве нечто иное.

— Хочу быть кашкадером,— подвел итог исследования самый шепелявый из моих собеседников,— потому што они могут вшё.

Что ж, каждое время рождает свой тип героя. И нынче сердца наших молодых сограждан пленяют не Иван Бровкин с Максимом Перепелицей, а Брюс Ли с Арнольдом Шварценеггером. Хорошо это или плохо, вопрос, как говорится, следующий, но экранами и сердцами теперь властвуют импортные крутые парни с очень хорошо накачанными мышцами. Увы и ах, уважаемый читатель, но это так, и никуда от этого не денешься.

«Ну хорошо,— подумал я,— а как же обстоят дела в отечественном кинематографе по части крутизны советских характеров и идеологически верной накаченности бицепсов?»

Поскольку ничего подходящего на память не приходило, я обратился с этим вопросом к человеку весьма сведущему, одному из самых известных советских каскадеров, члену Союза кинематографистов СССР Владимиру Жарикову. Благо, что сделать это было нетрудно, так как сидели мы с ним, беседуя о жизни, в полупустом холле Дома кино, после только что отгремевшего Московского кинофестиваля.

Тут, видимо, следует сообщить уважаемому читателю, что познакомились мы с Жариковым несколько лет назад в его родном и некогда славном городе Одессе на тамошнем кинофестивале. Знакомству предшествовало несколько легенд о знаменитом каскадере: о том, как он выхватил девочку из-под колес мчавшейся машины и благополучно прыгнул с ребенком под мышкой на автомобильный капот, как он в мгновение ока залез по водосточной трубе на восьмой этаж, чтобы там кого-то от чего-то спасти, и еще о многом другом. (Замечу в скобках, что все эти легенды, являясь истинной правдой, лишь малая толика того, на что способен каскадер Жариков.)

Еще я знал, что ему 50 лет, что он кандидат философских наук, в научных дискуссиях отличающийся крутым нравом. Впрочем, по этому поводу его уже защищал дружественный журнал «Огонек», не принеся своей публикацией подзащитному доценту ничего, кроме дополнительных неприятностей.

Теперь, когда и вы знаете то, что знаю я, вернемся в пустынный холл Дома кино.

— А скажи-ка мне, Володя, как профессиональный каскадер, снявшийся чуть ли не в 60 фильмах, где нашенские Шварценеггеры, Сталлоне и Брюсы Ли?

— Ну, во-первых, я не профессионал, потому что у нас такой профессии нет. Среди семи с лишним тысяч профессий, существующих в нашей стране, каскадеры отсутствуют. А во-вторых... Но сначала ты ответь мне: как тебе нравится «во-первых»?

«Во-первых» мне не нравилось совершенно категорически. И прежде всего потому, что содержало ответ на мой вопрос. Такие яркие индивидуальности, как Сталлоне или Шварценеггер, могли вырасти только на кинематографическом поле, обильно политом потом и кровью (увы, в самом прямом смысле этих слов) многих поколений высокопрофессиональных кинокаскадеров. В той же Америке каскадеры — элита актерского мира. И по заработкам, и по общественному признанию. Среди многочисленных «Оскаров», присуждаемых ежегодно за высшие кинодостижения, есть и сугубо каскадерские. Например, за лучшую автокатастрофу. Ну, а коли у нас и профессии-то такой нет... То о чем, собственно, и вести дальнейший разговор?

Но мой собеседник думал иначе, ему явно было что сказать.

— Д-д-да, элита...— мрачно промолвил он.— Ты знаешь, что такое «трюкодень»? Это практически то же самое, что трудодень в колхозе самых мрачных времен. Такая у нас система оплаты. Даже если ты за день сделаешь полтора десятка трюков, оплачивается только один. Иначе нельзя, придет с проверкой КРУ, и у директора картины будут неприятности. Ихнюю бы элиту да на наш трюкодень...

— А сколько, кстати, стоит трюк?

— Максимум — 56 рублей. Это за самый трудный и опасный. Когда снимали «Место встречи изменить нельзя», мне пришлось на старом грузовике, проломив парапет, лететь в реку. Дверь машины заклинило, и я очень долго не мог вынырнуть. Потом все же выплыл. Ко мне подходит Володя Высоцкий и говорит: «Слушай, я знаю, сколько тебе заплатят. За такую работу это не деньги. За что ты рискуешь?»

— А действительно, за что?

— Я тогда Высоцкому не ответил, больно мокрый был, чтобы предаваться рассуждениям. Каскадерство не только профессия, это еще и образ жизни. Как говаривал великий французский каскадер Жиль Деламар, дублировавший, по-моему, всех — от Жерара Филипа до Алена Делона: «Начинается день, следует жить!» А жить — значит рисковать. Замечательный, между прочим, способ выдавливать из себя раба.

— Жиль Деламар погиб?

— Да, в 1972 году, дублируя Жана Маре. Что ж, это тоже одно из условий нашей профессии. Правда, советский каскадер, заключая договор со студией, даже обыкновенной страховки не имеет. Мы боимся говорить кому-нибудь о своих травмах. Это может испугать начальство, и тебя не будут приглашать сниматься.

— А много травм?

— А как ты думаешь? Конечно, много. Недавно один из лучших наших конных каскадеров так обгорел на съемках, что пришлось делать две пластические операции. Кожу пересаживали. Я при встрече его просто не узнал. А вообще-то о количестве каскадерских травм ты не узнаешь нигде. Статистики не ведется.

— Но есть же в Госкино отдел техники безопасности?

— Отдел-то есть, безопасности нет. Весной прошлого года в Госкино наконец состоялось совещание с участием Госкомтруда и ВЦСПС по нашим проблемам. И нас, каскадеров, пригласили человек пятьдесят. Вроде бы и разговор шел обо всем довольно откровенный...

— Ну и как?

— А никак. Все по-прежнему. И трюкодень сохранился. (Вот уж поистине образец бессмертного бюрократического канцелярита!) И нелепый приказ 1985 года, по которому каскадером может быть только мастер спорта. Хоть по шашкам, лишь бы мастер. По-моему, это очень смешно, как раз для «Крокодила». Конечно, каскадерством должны заниматься спортивные люди. У других просто не получится. Но при чем тут значок мастера спорта? Обыкновенный бюрократический ход, чтобы заформализовать все до предела. А главное, что никто из чиновников не хочет нами заниматься — страшно, а вдруг кто-нибудь погибнет?

— А так ли уж необходимо, чтобы кто-то вами занимался?

— Мне-то лично, это, может, и вовсе не нужно. Но коли мы говорим о профессии... Понимаешь, необходим Всесоюзный центр трюковых съемок. Такой, как в США, Италии, Югославии. С современным оборудованием, компьютерами, с собственным заводом, где можно производить все необходимое для трюков. Причем ведь дело-то абсолютно хозрасчетное. Вот сейчас много говорят о том, что зрители в кино не ходят. Прибыль от кинематографа снижается. Выход, мол, в повышении цен на билеты. Но от повышения цен посещаемость еще больше упадет! А вы пустите хорошо сделанную приключенческую ленту, и народ валом повалит. Можно по-разному относиться к такому боевику, как «Пираты XX века», но сто миллионов посещений — это рекорд, не побитый пока еще никем. А наш плачевный киноэкспорт? Какие-то наши картины получают международные призы, это, конечно, греет душу и тешит честолюбие, но прибыли-то нет! А индустрия без прибыли — нонсенс, бесперспективное дело. Любой самый захудалый западный прокатчик прекрасно понимает: прибыль — это прежде всего крепко сработанный боевик, а таких в СССР не делают, поэтому и покупать у нас нечего. А боевик без каскадеров не сработаешь. Профессионалов же готовить надо. Сколько раз уже говорено-переговорено мною об этом и в Госкино, и в Союзе кинематографистов, все вроде согласны, но ни одного реального шага, ни одного...

— Но подожди, как я знаю, ты ведь создал школу каскадеров?

— Да, создал, еще в 1977 году. Лично я, без чьей-либо официальной помощи. Понимаешь, оказывается, это нужно только мне и больше никому. Приезжают ребята со всего Союза. Учатся кое-чему, многие из них работают сейчас в нашей каскадерской группе. Но все могло быть гораздо шире и интересней. Если бы приличный спортзал, любую, самую что ни на есть списанную автотехнику да с нынешним интересом молодежи к каскадерству... Это могло бы стать серьезным отвлечением ребят и от наркотиков, и от преступности. Я обращался и в управление профтехобразования, и к комсомольским деятелям ходил. Нормальная наша схема: на словах все «за», а как доходит до дела...

— А какие у тебя требования к будущим профессиональным каскадерам?

— Возраст до 30 лет. Хороший вестибулярный аппарат и быстрая реакция. Есть система тестов, позволяющая все это довольно просто проверить.

Но я еще вот о чем хотел бы сказать. Мы живем в такое время, когда практически любому человеку приходится оказываться в экстремальных ситуациях. И надо уметь с ними справляться. Совсем недавно я открыл «школу выживания», где учил, как надо падать, чтобы не разбиться, как вести себя в автомобиле, попавшем в аварию, как не утонуть даже во время шторма и многому другому. Принимал всех желающих. Детей от шести лет, взрослых до шестидесяти. Успех был потрясающий. Просуществовала эта школа три месяца.

— И чем кончилось?

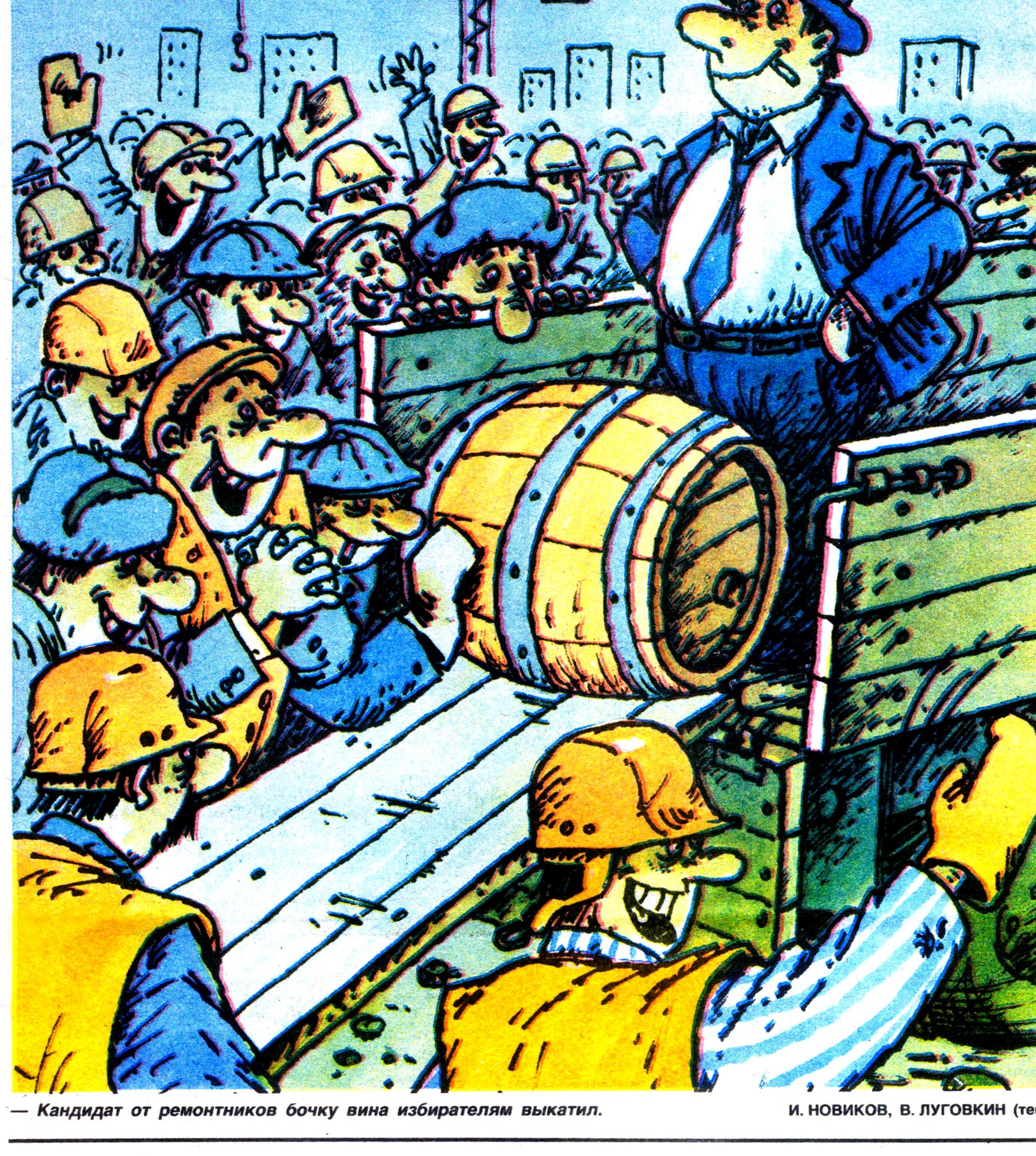
— Вызовом к районному прокурору. Что это за школа выживания в социалистическом обществе? Не наше дело. Закрыть! Может, там, «за бугром», это и нужно, а нам не трэба, и так проживем.

В общем, стена какая-то. Никому ничего не трэба. А ты говоришь Шварценеггеры и Брюсы Ли...

Беседа наша тихо угасла. Уборщицы сметали последние воспоминания о прошедшем фестивале, неодобрительно поглядывая на нас, засидевшихся и мешающих уборке.

А я думал о том, что каждый человек приходит в этот мир, как письмо до востребования. Востребует его общество — и он состоится, а не востребует... Сколько их неприкаянно бродят по нашей стране, невостребованных великих ученых, блестящих каскадеров, талантливых землепашцев, гениальных слесарей? Горевших желаниями, фонтанировавших идеями, способных, если надо, перевернуть мир. И сколько же высоких и умных лбов расшиблись о холодную и гладкую стену с аршинной надписью «НЕ ТРЭБА!».

Общество не востребовало их, а в ответ не получило того, что они могли и хотели дать. А не получив своего, общество начинает жить заемным и чужим. Это называется подмена, но об этом разговор особый и не сейчас.

— Кандидат от ремонтников бочку вина избирателям выкатил.

И. НОВИКОВ, В. ЛУГОВКИН (тема).

Андрей ПЫЛАЕВ

РАКУШКА И РАК

К большому кораблю Ракушка прилепилась
И поплыла.
В каких морях Ракушка ни была,
Каким диковинкам заморским ни дивилась!
А возвратясь,
Так говорила всем, гордясь:
«Туда, где я была, попасть
Вам и не снилось».
«Да, многого, Ракушка, ты добилась,—
Промолвил Рак в ответ ее речам,—
Мне быть в чужих краях не доводилось.
Под камнем я лежу, счет не ведя часам,
Потом два шага, пятясь, делаю... но сам!»

Эдмунд ИОДКОВСКИЙ

ВОПРОС ТВОРЧЕСКОМУ РАБОТНИКУ

Задумайся, мой друг,
икру
метая,—
не мечешь ли ты вдруг
икру
минтая?

«ДО СВАДЬБЫ ЗАЖИВЕТ...»

Когда малыш коленку ушибет,
ему твердят:
«До свадьбы заживет!»
Малыш — ну что он в жизни
понимает?
Пусть никогда она не заживает!

ЭПИТАФИИ

На смерть редактора

Редактор поэта травил
и третировал,
но Бог и редактора
отредактировал.

На смерть перебежчика

Он даже после смерти —
ай-яй-яй! —
хотел перебежать из ада в рай.

На смерть взяточника

Он совсем случайно помер,
как-то сдуру дуба дал.
Вот так номер! Вот так номер!
Сколько денег недобрал!

Михаил КАНЕВСКИЙ

ЧЕГО БЫ ПОКУШАТЬ?

Погодка не противная,
и я не подшофе,
мы в кооперативное
отправимся кафе.

Увидим то, как мглистые,
все в бархатном дыму
мужчины мускулистые
выносят бастурму,

вино и зелень, персики,
лаваш, а от манер
их веет томной Персией,
Пицундой, например.

И станет безразлично мне,
на цены наплевать.
Поездку заграничную
я буду вспоминать.

Я буду кушать вырезку...
Испортить аппетит
мне сможет только вывеска
столовой «Общепит».

Кондрат УБИЛАВА, специальный корреспондент Крокодила

НОГАМИ И ЛОКТЯМИ

выбивают многочисленные гагрские строители «объемы работ»

Помните: «О море в Гаграх!» Стоит произнести название этого южного города, как на память приходят море, солнце и пальмы. Отдыхающие, а их здесь много больше, чем жителей города, естественно, озабочены жильем, погодой, пропитанием и как достать обратный билет. Отдыхающим в этом райском уголке невдомек, что здесь идут нешуточные сражения. Правда, увидеть их невозможно. Но тем не менее обстановка остается напряженной. СУОР вступает в схватку с ПМК-75. РСК, РСУ, МЖКХ (кажется, правильно) борются с ТМО. РСУ-2 с фланга обходит СПМК-20. ДСК после одной из атак поверг ДРСУ-3.

За что воюют? За объемы!

Они, только они влекут к себе бравых воинов, скрывающихся за всеми буквами русского алфавита. Дело в том, что отсутствие объемов ставит под сомнение самое существование РСУ, ПМК, ДРСУ, ТМО и так далее. Есть объемы — есть жизнь, а следовательно, есть зарплата, премиальные, прогрессивка и много других приятных вещей.

Думаю, читатели догадались, что скрывается за буквенной абракадаброй. Да, это наши славные строители. Не поленился, подсчитал. Оказалось, что в небольшом курортном городе дислоцируется 14 строительных организаций. Принадлежат они, конечно, разным ведомствам. Как и подобает солидным конторам, каждая имеет административно-управленческий аппарат с джентльменским набором ответственных, полуответственных и совсем безответственных товарищей. Всего человек пятьсот. Или чуть меньше. Или чуть больше. Разобраться в этом аппарате довольно сложно. Зато известно, что его содержание обходится государству в 800 тысяч рублей. Или больше. Не утомил еще цифрами? Потерпите немного. Итак, 14 стройорганизаций набирают в год объем работ в 36,5 миллиона рублей. Стало быть, на каждую единицу приходится по 2,6 миллиона. Маловато. Как только сводят концы с концами?

— Приходится работать,— кручинится главный инженер ПМК-75 Зураб Кортава,— ногами и локтями. Нет, борцовские приемы здесь ни при чем. Просто обиваем пороги разных организаций, ведомств, просим дать объемы. Допустим, выбили. А проектно-сметной документации или вовсе нет, или готова процентов на 30. Как хочешь, так и работай. А то еще приходится заключать договора на строительство нереальных объектов.

— Так зачем заключать на них договора?

Зураб Климентьевич так жалостливо посмотрел на меня, что я тут же устыдился своей некомпетентности.

— А затем, чтоб не соскочить с категории. Чем больше объемов, тем выше категория строительной организации. А от категории зависит зарплата управленцев.

— Но ведь объекты эти, как вы сказали, нереальные,— не унимался я.

— Зато объемы вполне реальные. Главное — под категорию получить фонд зарплаты. Первая категория — один фонд, третья, извините, совсем другой.

Вот и кочуют гагрские строители из одной организации в другую, туда, где категория выше, где фонд зарплаты больше. Для этого явления есть научное слово — миграция. Мигрируют строители, не задерживаются подолгу в одном коллективе. И не лучше в Гагре строят, все хуже и хуже.

На самом берегу Черного моря сооружаются два пансионата. Один возводит упомянутая ПМК-75, другой — строители из Турции. Большая, надо сказать, разница. Даже неспециалисту видно: на турецкой стройплощадке — четкость, организованность и малая механизация. На нашей — неразбериха, перекуры (нет цемента) и дедовская лопата. Обидно, конечно. Но еще обиднее, что к этому привыкли. Особенно в обстановке хронического дефицита стройматериалов, конструкций. И тогда в силу вступает закон менял.

...Утро у местных руководителей строительных подразделений начинается с телефонных звонков. «У меня есть цемент. А у тебя?» — «У меня щебень». «Махнемся?» — «Давай!» И непримиримые бойцы за объемы становятся добрыми и отзывчивыми соседями, коллегами по несчастью.

Есть в городе Гагра завод железобетонных конструкций. Подчинен он Госстрою Грузинской ССР. Плиты, панели и прочую продукцию этого завода отправляют в Сухуми, Тбилиси и другие города республики. Только Гагра остается без панелей и плит. Тех самых, что здесь делают. Местные строители ждут их из Тбилиси или Гори. Бывает, ждут напрасно. Тогда постепенно замирает жизнь на многочисленных стройках. Помочь бы по-соседски, подбросить плиты, панели. Нельзя, не положено, ибо проходит завод по другому ведомству.

Ох, уж эти ведомства. Распростерли они свои крыла над черноморским городом, каждое стремится урвать себе лакомый кусочек уникального побережья. В этой борьбе то победа на стороне Агропрома ГССР, то на стороне Грузкурортремстроя, то вперед выходит Грузгидроэнергострой, то побеждает 4-е Главное управление...

А кто же всегда в проигрыше? Да все те же строители, которым подчас нечего делать. И сам город — нет у него единой градостроительной политики. Каждый кто во что горазд.

Но зато есть главный архитектор города. Личность, прямо надо сказать, символическая, властью не обладающая, хотя и числится в штате горисполкома. Куда ему тягаться с мощными ведомствами...

Неужели нет выхода?

Умные головы все взвесили, все подсчитали. И сказали: есть выход! Надо объединить все организации в единый общестроительный трест. Ему должны подчиняться все производственные мощности. Те же умные головы предлагают образовать службу единого заказчика. Кто возьмет на себя эту роль? Да хотя бы управление капитального строительства горисполкома. Ведь пока орган Советской власти не делает строительную погоду. Правда, сюда, в горисполком, приходят, чтобы подписать различные документы. Например, на отвод земли и так далее. Документов великое множество. Но градостроительная политика все равно остается в руках всесильных ведомств. И это, увы, не только в Гагре, а в сотнях малых и больших городов страны.

Словом, умные головы предлагают единый строительный комплекс. Все — в одних руках. Не надо будет биться за объемы. Не надо клянчить цемент. Прекратится миграция. Есть еще много плюсов...

Впрочем, не Крокодилу решать, что и как надо сделать. На это есть власть на местах. Она-то и сможет, более того — обязана решить гагрскую строительную проблему, которую давно пора снять с повестки дня.

Грядут выборы в местные Советы. И в эти Советы, которые не «ставят вопросы перед вышестоящими», но решают их сами, должны быть выбраны люди, способные это сделать.

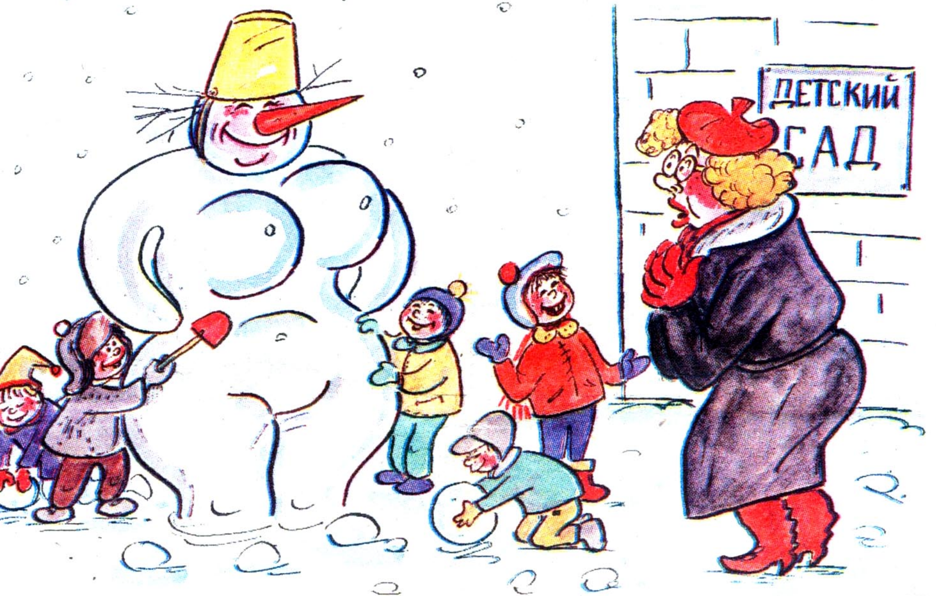
А пока Совет Министров ГССР не спешит дать свое «добро». А зачем спешить? Ведь придется вместо четырнадцати начальников оставить одного. Вместо четырнадцати главных инженеров назначить опять-таки одного. Словом, армию инженеров, бухгалтеров, начальников участков, прорабов, мастеров, учетчиков и т. д. и т. п. сократить в четырнадцать раз. Шутка ли? Еще, не дай бог, какой-нибудь начальник, лишившийся кабинета, обидится. Зачем обижать хорошего человека?

Совмин раздумывает, а 14 строительных организаций вновь разворачивают свои боевые порядки — идет подготовка к очередным сражениям за объемы.

г. Гагра Грузинской ССР.

ДЕТСКАЯ ПЛОЩАДКА

— Но вы же сами, Марья Петровна, сказали, чтобы мы лепили бабу снежную.

Леонид НАУМОВ, специальный корреспондент Крокодила

НАСЧЕТ ПИВА

Как известно, сейчас в стране бушует плюрализм. Поэтому смело заявляю, что являюсь поклонником чая, а вот мой коллега Юрий Белявский воспел в начале года пиво (см. «Пивной вопрос, или Кое-что о плюрализме», «Крокодил» № 4). Пристрастия у нас разные, а удовлетворение спроса обоих одинаковое, нулевое. На фельетон Ю. Белявского поступило немало гневных писем, некоторые даже были отправлены в высокие инстанции. Слишком уж Ю. Белявский, истосковавшийся по доброй кружке пива (о раках он не написал ни полслова, поскольку видел их только на картинках в младенчестве), любовно осветил вопрос, чем взбудоражил широкую общественность. Кое-кто даже обвинил его в пропаганде алкоголизации населения. Но многие читатели восприняли фельетон с энтузиазмом, наивно полагая, что он приведет к пивному изобилию. Такого не произошло, и мне (Белявского решили вывести из-под обстрела) поручили узнать, что нас ожидает на пивном фронте.

Время для бесед выдалось не самое благоприятное. Госагропром СССР был уже упразднен, заканчивала свою работу ликвидационная комиссия, дел у сотрудников отдела пищевой промышленности было по горло, да и настроение не отличалось лучезарностью. Тем не менее они отнеслись к корреспонденту любезно, постаравшись осветить все сложности производства пива.

Итак, прежде всего нужён ячмень. Но не «рядовой», а пивоваренный, соответствующий определенным стандартам. При проращивании зерен получается солод, а далее спиртовое брожение сусла из солода, хмеля и воды (плюс некоторые добавки) в условиях заводских технологий дает пиву жизнь. Такова грубая схема.

Схема схемой, но даже при поверхностном знакомстве с нею создается впечатление, что кто-то ее взял, разрезал на кусочки, вручил разным людям и сказал: «Действуйте, товарищи!»

Начнем с ячменя. Его производители (колхозы и совхозы) делают свое дело без особого энтузиазма. Им выгоднее выращивать другие культуры, за которые заготовители из Минхлебопродуктов СССР, по установкам Госкомцен СССР, платят больше. Но посевы определяет Госплан СССР, а Госагропром формировал госзаказ (теперь это называется задания-обязательства), так что деваться некуда — даешь ячмень, труженик полей! И труженик постарался.

— Мы вырастили в 1988 году на полях страны 44,5 миллиона тонн ячменя, из которых 16 миллионов тонн пивоваренных сортов,— сообщил начальник подотдела системы земледелия и интенсификации зернового хозяйства бывшего Госагропрома СССР товарищ Ю. А. Никитин.

Цифра сама по себе впечатляющая! Из самой примитивной арифметики следует, что на душу нашего населения приходится по 150 килограммов ежегодно. Неужели съедаем?! Слава богу, нет, вредно есть столько каши! Значит, идет на пиво? Тоже нет.

— Наша годовая потребность в ячмене 2 миллиона тонн пивоваренных сортов, а получаем мы только один миллион триста тысяч тонн,— объяснил замначальника отдела пищевой промышленности бывшего Госагропрома СССР А. М. Беличенко.

— Кто же этот жадина?! — поразился корреспондент.— Сидит на миллионах тонн и жалеет семьсот тысяч!

— Минхлебопродуктов СССР,— ответил А. М. Беличенко,— оно ведает закупкой и распределением зерна.

Кипя благородным негодованием, ваш корреспондент зашагал в союзное Министерство хлебопродуктов.

— Да,— не отрицал замминистра В. А. Аникин,— мы действительно недодаем пивоваренной промышленности ячмень, но не по злому умыслу, а в силу обстоятельств. Вот смотрите. Во-первых, ячмень идет не только на пиво, нужны еще крупа и комбикорм, во-вторых, наши закупки не так уж велики. В 1988 году мы закупили в наших хозяйствах из выращенного ячменя всего 8 миллионов тонн...

— Почему так мало?

— Ячмень скверный, не из чего выбрать, заготовители из себя выходят. Пришлось еще 2 миллиона тонн купить за границей.

— Куда же деваются остальные миллионы тонн?

— Наверное, коровы съедают,— пожал плечами замминистра.

Действительно, качество нашего ячменя такое низкое, что Госагропром СССР совместно с Минхлебопродуктов СССР ежегодно «выходили» в Совмин СССР с просьбой изменить существующие стандарты на пивоваренный ячмень в сторону их «смягчения». И Совет Министров каждый год идет на такую акцию, поскольку нет альтернативы. Впоследствии качество ячменя отразится на пиве, оно будет излишне горчить, станет вяжущим и раньше времени даст осадок. Но это уже трудности потребителя.

— Позвольте! — воскликнет внимательный читатель.— А заграничный ячмень? Он-то хороший! Его и использовать на пиво. Те самые два миллиона.

Ах, наивный читатель! За границей тоже имеются и хороший ячмень, и плохой, все дело в цене. Скажем, Министерству хлебопродуктов СССР определено купить за рубежом 30 миллионов тонн зерна, а Министерство внешнеэкономических связей СССР выделяет ограниченные средства, поневоле купишь подешевле и похуже. Нет, наскрести на пиво пока не удается!

Правильно говорят, что скупой платит дважды. Если бы крестьянину давали за ячмень настоящую цену, он бы позаботился о его качестве, не скармливал бы зерно скоту, а государство не покупало бы ячмень за рубежом.

С хмелем тоже не все просто. Оказывается, выращивают его в основном в Житомирской области и в Чувашской АССР, а уже оттуда развозят по стране. Закупочные цены на эту культуру низкие (такая уж у нас хроническая болезнь!), а процесс выращивания трудоемкий, много ручного труда. Урожай получают не ранее чем через пять лет после посадки. И еще он требует солидного количества органических удобрений, сиречь навоза. В животноводческих хозяйствах дело могло бы пойти, но тогда нужна бесперебойная поставка комбикорма для скота, который заготовители отпускают не густо и неохотно. Так что три четверти хозяйств — производителей хмеля, к примеру, на Украине, сегодня убыточны.

Теперь о пивоваренных заводах, их в стране 550. Линии на них старые в своем большинстве, и чехи уверяют, что советские пивовары герои, имена коих сохранятся в веках. Чехи говорят, что в таких условиях не выпустили бы ни единой бутылки.

Кстати, о бутылках. Их дефицит на 1989 год составил 526 миллионов штук. Почему? Предприятия Минпромстройматериалов РСФСР (производитель) получили самостоятельность, госзаказа на стеклотару теперь нет, вот они и производят продукцию подороже, нежели дешевые бутылки для пива.

С кронен-пробками тоже незадача. Отечественных линий для их производства нет, валюты, чтобы купить импортные, не хватает, так что на сегодняшний день дефицит пробок составляет 4 миллиарда штук!

Как бы там ни было, но к 1984 году пивоваренная промышленность производила 24 литра пива на душу населения. Мало? Конечно, мало, с западными странами даже сравнивать неудобно, но все-таки. Ныне мы получаем в год 18 литров.

1985 год, вошедший в нашу историю как зачинатель «трезвого» образа жизни, сильно ударил по и без того хлипкому отечественному пивоварению.

Частично были раскорчеваны плантации хмеля. А ныне снова дефицит, в этом году предполагается приобрести 3000 тонн хмеля за границей, это почти четверть всей нашей потребности.

Были разукомплектованы два крупных современных пивоваренных завода в Саратове и в Магнитогорске. Средства на выполненную проектную документацию и на уже готовые строительные площадки пошли на ветер, а купленное импортное оборудование разлетелось по другим предприятиям. Законсервировали строительство Новокузнецкого и Красноярского пивзаводов. Некоторые заводы переделали часть своих линий на производство кваса, выполняя команды местных властей. Короче, когда выполняют указания, денег не считают.

О каком пиве можно сейчас вести речь, если количество сырья планирует один, выращивает его другой, изменяет стандарты третий, совершает закупки четвертый по ценам, установленным пятым, если шестой варит пиво на линиях, которые ему приобрел седьмой, восьмому невыгодно выпускать бутылки, а у девятого нет возможности производить пробки! Какие уж тут производственные отношения? Смех и грех!

Приехали, терпеливый читатель. Вздохнем горестно, обведем взором нашу сирую экономику и, наверно, заметим, что подобное положение характерно не только для пивоваренной промышленности.

Остается лишь ответить на вечные и всегда модные вопросы: «Кто виноват?» и «Что делать?».

Отвечаем в порядке поступления.

Виновата наша командно-административная система, в которой никогда не было, нет и не будет конкретных виновников. В ней все разобщено, все само по себе и для себя, а живые экономические законы стоят на обочине, с тоской поглядывая на происходящий кавардак.

Пивовары знают, что делать.

— Если предприятия получат финансово-экономическую самостоятельность,— говорит крупнейший специалист по пивоварению Светлана Васильевна Кудрявцева,— пива будет в достатке. Нужны прямые связи с поставщиками сырья. Возникнут договорные отношения и заинтересованность сторон. То же самое и со смежниками. Со временем предприятия окрепнут и смогут наращивать мощности.

С этим нельзя не согласиться. Только, пожалуйста, повремените, не спешите за пивом, оно появится не так скоро. Поэтому пока рекомендуем пить чай.

Что? Чая нет? Не волнуйтесь, будет. Индия и Цейлон выполнят свои договорные обязательства. У них понятия простые: покупатель доволен — есть денежки, покупатель недоволен — сам пей свой чай. А кому охота пить пустой чай? Вот именно.

К 100-летию со дня рождения Остапа ВИШНИ

Остап Вишня (Павло Михайлович Губенко) обладал тем редким литературным дарованием, сущность которого очень метко и объемно определил Михаил Ефимович Кольцов: «Фельетонист — это писатель в газете».

Что это значит?

Это значит, что фельетон принадлежит, по мнению Кольцова, к тому жанру литературы, в котором его публицистическая сущность выражена чисто художественными средствами, то есть в языке, в образной системе, во всей внутренней мелодике произведения.

Такими «писателями в газете» были в России тот же М. Кольцов и А. Зорич, а на Украине блистательный Остап Вишня.

После отъезда нашей семьи из полуголодного Петрограда в 1917 г. на сытный юг я долгое время жил на Кубани, где среди казаков-черноморцев, потомков запорожцев, переселенных сюда по указу императрицы Екатерины Второй, распространен украинский язык, вернее, его ответвление — кубанская «мова». Я немного овладел мовой и мог не только понимать ее, но и «балакать». Вот тогда-то, в двадцатых годах, я и познакомился с творчеством Остапа Вишни.

Я и умом, и сердцем ощутил и понял, что он писатель глубоко народный и глубоко национальный. Фельетон и «гумарески» Остапа Вишни пленили меня лукавинкой его истинно украинского народного юмора и тонким задушевным лиризмом. Несколько его рассказов я перевел на русский язык, а Остап Вишня впоследствии перевел и мои рассказы на украинский.

Личное наше знакомство состоялось в 1948 году в Москве на всесоюзном совещании сатириков, созванном «Крокодилом». И вот не знаю, как и почему это произошло, но самый популярный и самый любимый на Украине (да и не только на Украине) писатель-сатирик Остап Вишня не был избран в президиум совещания. В те времена этот факт мог означать многое.

Оскорбленный Павло Михайлович уехал из Дома печати, где шло совещание, к себе в гостиницу. Его отъезд был замечен, в президиум совещания полетели недоуменные и негодующие записки. П. Беляев — тогдашний редактор «Крокодила» — попросил меня уговорить Остапа Вишню вернуться на совещание. Павла Михайловича я застал в номере украинской делегации лежащим на кровати. Я назвал себя и сказал, как давно его знаю и как люблю его творчество. Павло Михайлович улыбнулся и сказал:

— Так ведь и я вас люблю!

Мы обнялись и расцеловались.

Когда Остап Вишня, нарядный, стройный, в темно-синем костюме и белой сорочке с галстуком, появился в зале Дома печати, его встретили овацией.

Последняя наша встреча с Остапом Вишней произошла в Киеве, куда я как член писательской бригады приехал на какое-то писательское совещание.

Павло Михайлович возил меня с женой на своем «драндулете» (так он называл свою «эмку») по Киеву, показывал нам красоты этого дивного города. Вечером мы (мы — это писатель Ю. Лаптев, ныне покойный, поэт Степан Олейник и Федор Макивчук, тогдашний редактор «Перца») были приглашены к Остапу Вишне домой на ужин. Его супруга, обаятельная Варвара Алексеевна, угощала нас потрясающими карасями, жаренными в сметане.

Федор Макивчук, страстный рыболов, как и сам Павло Михайлович, спросил:

— Карасей сами добыли, Павло Михайлович?

— Эге ж, сам!..

— Хороший был клев?

— Отличный.

— Где же они у вас так клевали? Признайтесь! — завистливо спросил Макивчук.

— На базаре! — с хитренькой улыбкой ответил Павло Михайлович.

Леонид ЛЕНЧ.

Остап ВИШНЯ

Рассказ

КАК ПЕРЕЕХАТЬ ТАМОЖНЮ?

Если ехать за границу, тогда, разумеется, не нужно думать о том, как переехать таможню.

А вот когда оттудова...

Ой, боже ж ты мой, сколько нервов она отнимает!

Еще недели за три до отъезда из Германии начинаются обсуждения:

— Та все оно хорошо, а вот Шепетовка*.

. . . .

— Были в Тиргартене?

— Был.

— Ну и что? Правда, прекрасный парк?

— Чудесный парк. Да вот не знаю, или проверяет таможня карманы, или нет?

. . . .

— Вы из Потсдама?

— Да!

— Их Вильгельм был не дурак, раз выбрал там себе резиденцию. Ну и парк! А палаты! А водопады! А чистота! А порядок!

— Да-а-а! Просто диву даешься. Неужели таможня только одну пару туфель пропускает?!

. . . .

* С 1920 по 1939 год государственная граница СССР с Польшей проходила за несколько десятков километров от станции Шепетовка, на нынешней меже Хмельницкой и Ровенской областей *(А. Х.)*.

Ох, эта мне таможня!

Страшно мало вещей разрешается привозить из-за границы.

Ну до того маленькая норма, что аж плакать хочется.

Подумайте: всего только три костюма.

Всего только два пальто.

Всего только шесть пар нижнего белья.

Всего только один золотой крестик и одну золотую иконку.

Всего только одну ниточку жемчуга и одни часы.

Ну и власть!

В инструкции говорится, что всего в общей сложности разрешается провозить столько вещей, сколько может потребоваться человеку в течение двух-трех месяцев жизни в командировке за границей.

Ну, разве ж таки Советской власти не известно, что нельзя в дороге обходиться одними часами?!

Обязательно нужно штуки три!

Ну, как-таки может какой-либо работник науки, или литературы, или искусства или индустриальный рабочий пробыть месяц в командировке, имея всего только три костюма?

Разве хватит ему в дороге одной нитки жемчуга?

Разве может он осмотреть немецкие заводы, когда ему разрешается нюхать только (всего только) пятьсот граммов (пол-литра) духов «Coti», да еще обязательно распечатанных, да еще взвешенных вместе с флаконом?!

Просто не понимаешь в данном случае Советской власти.

Как же так?

Я еду в такую даль, как из Берлина в Харьков, и не имею права возить с собою медведя?!

Это ж необходимейшая в дороге вещь!

Что же мне, так и ехать, не играя в дороге с медвежонком?

Что ж это оно за путешествие?!!

А Шепетовка медведей не пропускает.

Говорит, что «не полагается»...

. . . .

— Послушайте, по-моему, вы женские кальсоны носите?

— А разве видно? Я ж эти резиночки повытягивал. А теперь же ж летом и мужчины такие же коротенькие носят, как женщины.

— Да не носят мужчины с от такими спереди хризантемами. А потом, насколько я помню, у мужчин такие вещи ширинкой называются.

— Неужели же Шепетовка и до ширинки досматривается? Что вы мне все с этой Шепетовкой? А я такие хочу носить, а не такие, как шепетовские чиновники. Где есть такие правила, чтоб я обязательно носил кальсоны без хризантем?!

. . . .

Шепетовка. Лето. Жара.

И вот видишь, что из вагонов вылазят краснощекие, молодые советские граждане, приодетые в котиковые манто, в меховые шапки, с плюшевыми на шее или в руках пледами, в теплых варежках, в двух-трех парах вязаного белья...

— Чего вы так это оделись, будто Амундсена разыскивать собрались?

— Простудиться боюсь. В вагонах такие сквозняки... А у моей мамы такой лютый ревматизм был, что мучилась она страшенно!

. . . .

Ну, а как же все-таки переехать таможню?

Не скажу! Это очень большой секрет.

Я, например, переехал ее блестяще.

И даже служащих обдурил: я незаметно перевез резинового надувного верблюда в натуральную величину.

Как?

Я его в сдутом состоянии под стельку засунул.

Стельку у меня не открывали — я и провез.

А теперь не знаю, что с ним, чертом, делать: в хату не влазит, дети боятся, а жена ругается.

— Лучше б ты,— говорит,— вместо верблюда котиковое манто в туфель засунул.

Ну, что ж, ошибся. Бывает.

1928 г.

Перевела с украинского А. ХОМЕНКО.

Б. ПОЮРОВСКИЙ

КТО БЕРЕТ ПАЛКУ?

НОВЫЕ «БОСЯКИ» НА СЦЕНЕ МХАТа

Лично мне кажется, что некоторые театры, обращаясь то к уму, то к сердцу зрителей — а иногда и к тому, и к другому одновременно,— не до конца оценивают все наши возможности. В частности, забывают, что впечатление может быть намного сильнее, если воздействовать не только на зрение и слух, но и на обоняние, осязание, вкус, наконец.

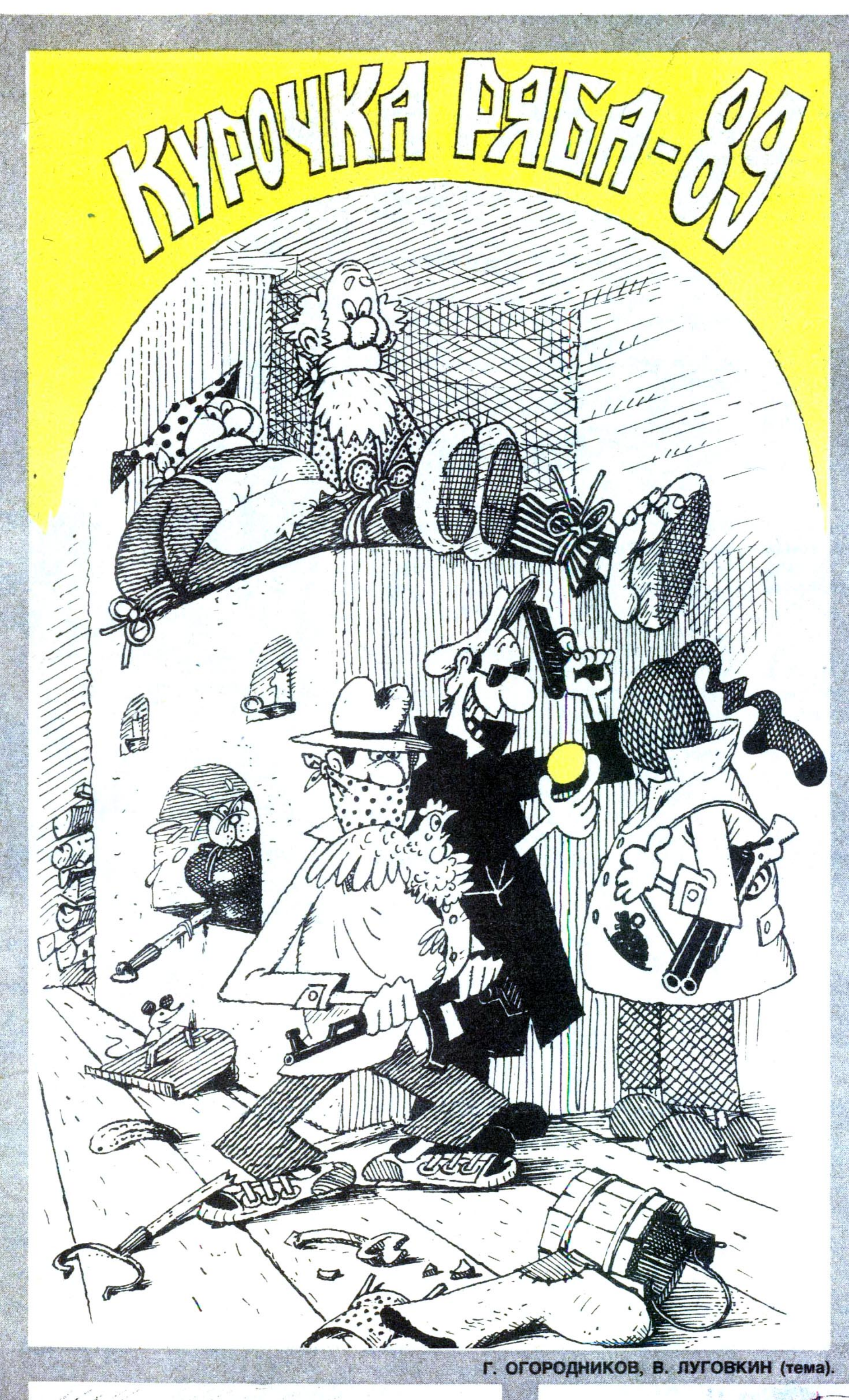
Вспомним традиции. Еще в конце прошлого века молодой режиссер-новатор Костя Треплев из чеховской «Чайки» просил рабочих по ходу действия его пьесы поджечь серу. Да что Треплев! Сами основатели Художественного театра, по свидетельствам очевидцев, дали радость зрителям в 1904 году не просто увидеть белую кипень «Вишневого сада», но и почувствовать запах его буйного цветения. Разумеется, не буквально. Иллюзия возникала при помощи декораций, света, цвета, шумов и звуков: тогда ведь не было еще аэрозолей...

Правда, рассказывают, будто Владимир Иванович Немирович-Данченко в период репетиций горьковский пьесы «На дне» осторожно предупреждал Константина Сергеевича Станиславского, чтобы он не слишком увлекался натуралистическими подробностями. Зрители, по мнению Немировича-Данченко, ни в коем случае не должны были заподозрить, что у актеров, изображавших обитателей ночлежки, и в самом деле немытое тело, несвежее белье. Иначе сборы, и без того сильно пошатнувшиеся в том сезоне, и вовсе упадут...

С момента премьеры горьковской пьесы — 18 декабря 1902 года по ст. ст.— минуло почти девяносто лет. В спектакле, до сих пор сохраняющемся в репертуаре, сменилось несколько поколений. А недавно здесь же, на сцене МХАТа, что на Тверском бульваре, рядом с горьковскими появились и «нашенские», современные босяки.

Театр поставил пьесу Алексея Дударева «Свалка», написанную явно как перифраз «На дне». Дударев «позаимствовал» у Горького даже печку, на которой спят герои. В образе Пифагора он свел воедино таких разных людей,

См. стр. 13. ▶

Г. ОГОРОДНИКОВ, В. ЛУГОВКИН (тема).

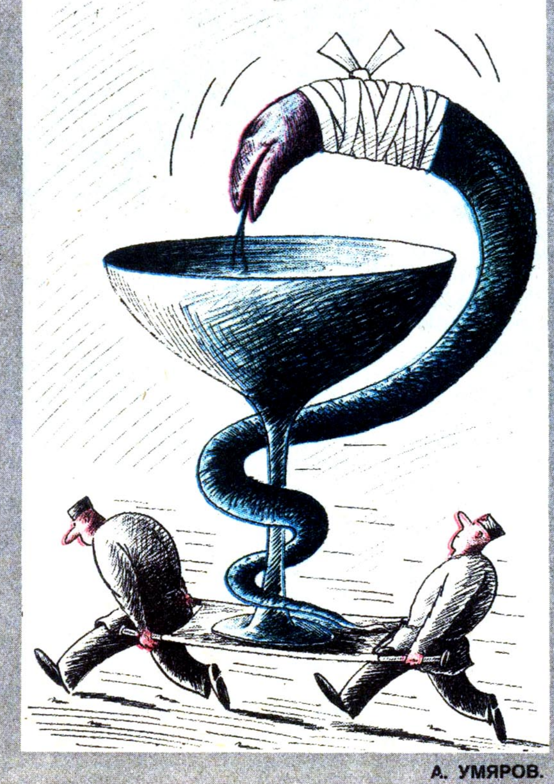

Р. ДРУКМАН.

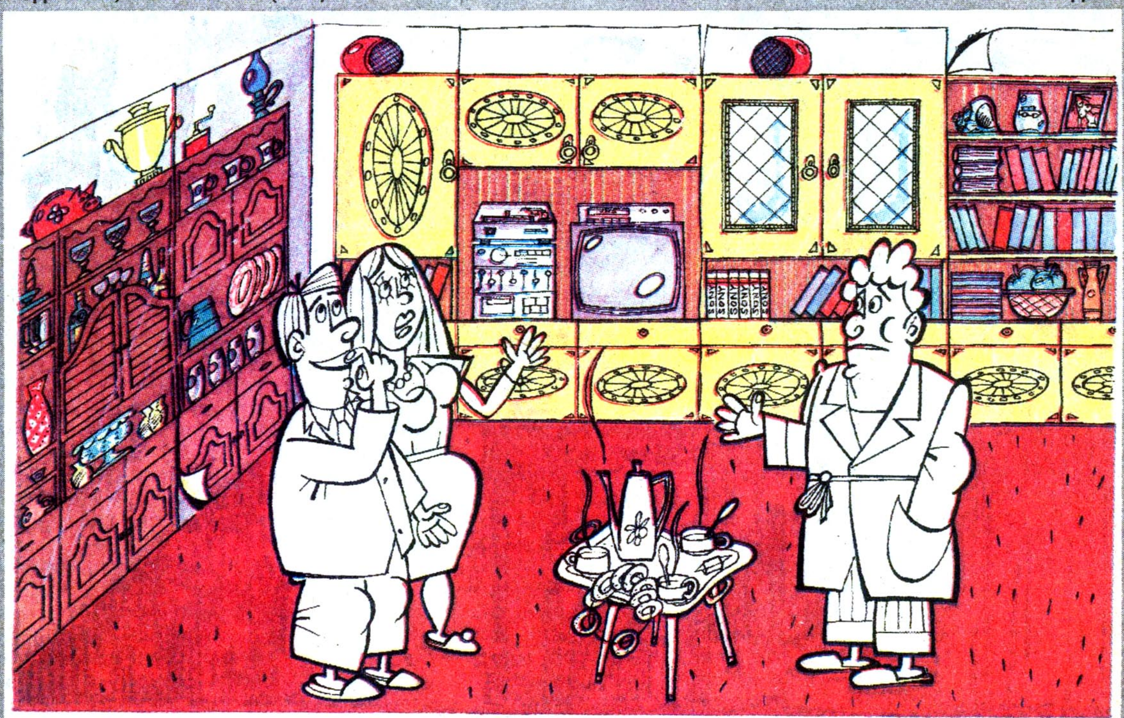

В. ВЛАДОВ.

А. УМЯРОВ.

— Не завидуйте! Это фотообои. А мебель я ищу уже третий год.

С. РЕПЬЕВ.

ДЖУНГЛИ

А. ПОКЛАД

Оформление В. УБОРЕВИЧА-БОРОВСКОГО.

Окончание. Начало см. «Крокодил» №№ 32, 33.

Жилой комплекс представлял собой старый двухэтажный дом, арендованный советским посольством у одного из местных землевладельцев на 99 лет. Треть этого срока уже прошла, а в здании еще ни разу не делалось капитального ремонта.

Первый этаж занимали гаражи, мастерская и склад. На втором этаже располагались квартиры. Дом и прилегающая к нему лужайка были обнесены кирпичным забором. Чтобы хоть как-то скрасить серость существования, проживающие в жилом комплексе совместными усилиями сделали волейбольную площадку, спортивный уголок со штангой и песочницу для детей.

В прилегающих к экватору тропических и субтропических регионах, где жизнь в советских колониях скучна и непритязательна, где многие работники сидят в кабинетах, а передвигаются только на автомашинах, от ожирения и отупения может спасти лишь спорт. Большинство предпочитают спортивные игры. Те, кому не жалко истратить пару сотен долларов на экипировку, играют в большой теннис, кому жалко — как правило, в волейбол. Так по крайней мере было принято в Фулии.

Был, правда, в Фултауне футбольный дипломатический клуб, но из советского посольства в нем играли только два человека: Петров и Малышев. Конечно, в коллективе были и другие молодые сотрудники. Однако футбол был для них исключен по двум причинам. Во-первых, это накладно. То на форму собирают, то на изготовление сувениров с гербом клуба, то, не дай бог, позовут играть в другой город, а платить надо из своего кармана, посол на подобные поездки командировочные не давал. Во-вторых, чем меньше контактируешь с иностранцами, а тем более западниками, тем меньше хлопот. Лучше попрыгать в волейбол со своими или вообще пересидеть дома, как карьерный дипломат Жутин.

Но Петров и Малышев играли, так как еще не успели приобрести должного дипломатического опыта. Более того, они позволяли себе время от времени наведываться в клуб, оборудованный на вилле одного англичанина, постоянно проживавшего в Фултауне.

Иностранцы, надо сказать, отдыхать, впрочем, как и работать, умели. В клубе постоянно затевали то маскарад, то импровизированный рок-концерт, то игры в фанты. В эти минуты молодым дипломатам становилось особенно кисло на душе. Они вспоминали, как проходят праздники в советском посольстве. Торжественный доклад в душном клубе, несколько номеров художественной самодеятельности, наконец, банка пепси-колы на воздухе. Пепси-кола, выставленная на столах перед клубом, почему-то именовалась словом «буфет». Так и говорили: «После торжественной части состоится буфет». Потом все расползались по квартирам, доставали заранее приготовленные джин, водку и закуску и начинали в кругу самых доверенных лиц отмечать праздник.

...Квартира Петрова представляла собой помещение чердачного типа, углом выходившее во двор и отделенное от соседей фанерной перегородкой. Потолок слегка протекал. Вход в жилье располагался со стороны кухни, потом вошедший попадал в каморку размером десять квадратных метров, где умещались диван-кровать, два кресла, журнальный столик и большая тумба. На тумбе стояли телевизор, видеомагнитофон и двухкассетная стереосистема. На выкрашенных в грязно-розовый цвет стенах висели календари Аэрофлота с видами Красной площади и плакат «Берегись СПИДа». Стенной шкаф был переоборудован под туалет и умывальник.

Конечно, приглашать иностранцев в такую квартиру было стыдно. Однако, если уж Советское государство сочло возможным, чтобы его представитель жил в таком помещении, значит, рассуждал Петров, он может принимать в этом помещении иностранцев.

Однажды к Петрову на огонек заехал помощник вице-президента по вопросам печати и информации.

— Интересная планировочка у тебя,— сказал он, входя на кухню.

— Мы ж не капиталисты,— парировал Петров,— нам излишеств не надо. К тому же оригинально. В какой квартире ты еще видел вход через кухню?

Гость сел в кресло, которое тревожно скрипнуло. Мягкая мебель служила посольству верой и правдой вот уже без малого двадцать лет. Сначала этот комплект стоял в квартире советника, потом третьего секретаря, а теперь у атташе. Правда, Петрову обещали скоро поменять диван и кресла. Старые должны были перейти к референту.

— Сколько ж у вас в этом доме живет народу? — поинтересовался помощник вице-президента.

— Хватает,— уклончиво ответил советский атташе и пошел на кухню готовить закуску.

Он резал сало, присланное ему матушкой ко дню рождения с оказией, и думал о том, что бывавшие в его доме зам. министра банановой промышленности, личный секретарь премьера, редактор крупной газеты вообще-то люди неприхотливые, их шкафом-туалетом не испугаешь, а сало они в жизни не пробовали.

Помощник вице-президента попросил поставить «что-нибудь цыганское».

Закусили салом.

— Хорошая штука. Как называется?

— Сало.

— Сало? Очень хорошая штука. Выпили еще.

— Вообще дело дрянь,— сказал помощник вице-президента.— Скоро нас попрут отсюда к чертовой матери.

И он стал рассказывать о положении в стране.

Разошлись поздно, довольные друг другом. А через два месяца сбылось предсказание помощника по прессе и информации — режим Временного совета поперли из страны.

* * *

Когда Петров вошел домой, чтобы взять у своей жены сертификат с отметками о прививках, она сидела на диване и листала каталог, составляя очередную выписку.

Каталог — настольная книга жены дипломата.

Каталог — бич дипломата.

Женщины скрупулезно прорабатывали все новые каталоги и подолгу обсуждали их.

— Страница одна тысяча пятьдесят четвертая, в правом верхнем углу. Помнишь? Выписывать с рюшечкой или без рюшечки?

— Тебе пойдет с рюшечкой.

— С рюшечкой на восемнадцать марок дороже.

— Ну и что, это ж всего шесть инвалютных рублей!

— Да, в инвалютных рублях вроде бы и меньше... А, живем один раз!

— А вот сервизик, страница семьсот сорок восьмая...

— Как же, как же! Это такой голубенький, с черной каемочкой.

— Нет, в другом углу, такой розовый весь, с желтой как бы каемочкой!

— Но доставка, доставка...

— Да...

Петров не без удовольствия отметил, что очередная выписка товаров не состоится.

— Где твой медсертификат? — спросил он жену.— Мне поручили их собрать. Простая мера предосторожности. Никакой паники.

— Понятно,— сказала жена и пошла собирать чемодан.

Аналогичной была реакция и других женщин. Через полчаса на жилом комплексе и в жилых помещениях посольства наблюдалась деловая суета. Но никаких следов паники. Когда к вечеру Самостроев лично пошел предупредить жен о предстоящей завтра утром эвакуации, он с удивлением обнаружил, что все уже готовы и у каждой собрано по два весьма габаритных места ручной клади: чемодан со шмотками и телевизор или видеомагнитофон. Планом эвакуации этого предусмотрено не было. Для вещей потребовался бы отдельный грузовик.

Тогда решили разрешить каждой эвакуируемой взять с собой не более 20 кг багажа. Перед многими встала дилемма, что брать: питание на дорогу или видеомагнитофон? Ведь в Фултауне могли случиться грабежи, аппаратуру оставлять жалко, а голодание в течение пары дней в конце концов полезно. Жены паковались в душевных муках.

— Дарлинг *,— сказал Малышев.— Если ты помнишь, в соседней столице работает мой сокурсник. Передай ему от меня пачку кофе и письмишко. Сейчас напишу письмо отцу, а потом ему.

Петров тоже писал письма домой. А жена пыталась запихнуть объемистую шубу, недавно полученную из Европы, в небольшую дорожную сумку.

— Помог бы, а то уселся, как барин,— сказала она Петрову.

— Не мешай,— буркнул тот.— Может быть, я последнее письмо домой пишу.

— Дурак,— сказала жена.

— Ну чем ты недовольна? — сказал Петров.— Муж — дипломат, пьет в меру, шубу заказал...

— Тоже мне, дипломат! Нищета. На диван не сядешь, того гляди, ножки обломятся. Гостей стыдно пригласить. Скука смертная, сплетни, работы нет... Одно развлечение — на рынок съездить.

Тут она была права. Для жен младших дипломатов и техперсонала посольства, то есть тех, кто не имел права вождения и не мог вывезти жену на рынок, раз в неделю выделялся автобус, на котором они ехали по магазинам и за продуктами. На центральном рынке Фултауна давно привыкли к еженедельным десантам советских женщин. Появление нашего автобуса служило сигналом к негласному повышению цен. Наши это знали и торговались долго и упорно. Торговались не только ради того, чтобы сэкономить сотню-другую, но и потому, что с человека, который не торгуется сегодня, завтра будут стараться содрать втридорога.

* Дорогая *(анг.)*.

Для общения с фулийскими торговцами и торговками было необходимо твердо усвоить несколько базовых выражений на местной версии английского языка:

— Хеллоу, май френд! (Здравствуйте, мой друг!)

— Май френд? (Сколько стоит?)

— Май френд!!! (Слишком дорого!)

— О'кей, май френд. (Хорошо, беру.)

...Постепенно дом погрузился во тьму. В эту ночь мало кто спал. Всех посещали тревожные мысли. Не каждый день происходит эвакуация. Жутко выл Шарик.

Петров проворочался до утра и лишь в предрассветный час забылся зыбким сном.

Снилось, что все посольство почему-то оказалось на старенькой яхте, которая вроде бы держит курс домой. Видимо, все посольство в Фулии сократили за ненадобностью. Поскольку никто управлять яхтой не умеет, она плывет по воле волн и ветра, запасы пищи и воды постепенно тают, газет уже не видели много недель, яхтенный дизель дышит на ладан. Каждый день на борту созываются всевозможные совещания относительно того, как плыть дальше. Этот вопрос под различным соусом рассматривался на закрытом совещании у посла, на партсобрании, на собрании профактива, на женсовете, в комсомольской организации и на совещании дипломатов. Наконец его рассмотрели на открытом собрании всего коллектива, на которое, правда, посол не пришел, сославшись на занятость.

Вскоре утлое суденышко потерпело крушение, и всех выбросило на необитаемый остров. Обретши под собой твердую почву, люди взялись за дело. Построили несколько маленьких жилых хижин и две большие хижины: одну под посольство, другую под клуб. Были приняты все необходимые меры безопасности — возведен солидный бамбуковый забор, сооружено приемное помещение, утвержден график дежурств.

— Остров ведь необитаемый! — изумился Петров.

— Инструкция,— ответил Клюев и, почесав в затылке, добавил,— надо бы еще подготовить план эвакуации. Мало чего может случиться!

Право вождения пирог в лагуне было предоставлено только старшим дипломатам и завхозу.

Торгпред разослал своих подчиненных по острову с целью сбора образцов товаров, которые в будущем можно импортировать в Союз. Зав. бюро АПН развернул на ближайшей лужайке книжную выставку, а представитель ССОД организовал курсы русского языка. После этого со всей остротой встал вопрос, что делать дальше.

— Как что? — сказал посол.— Срочно готовить материалы в почту! Почту будем закрывать не позже, чем через две недели!

Тут вылез с дурацким вопросом Малышев.

— Какую почту? — спросил он.— Как мы ее будем отправлять?

— Угу-угу,— сказал Жутин.

— Молодо-зелено,— сказал Самостроев,— сразу видны несерьезный подход молодежи и отсутствие опыта. Как это какую почту? Остров есть? Есть! Посольство есть? Есть! Значит, должна бы быть и почта!

— Дел полно! — Сюсюнкин обрел вдруг начальственный тон.— Надо сообщить о площади, населении, государственном устройстве и размерах задолженности Западу острова нашего пребывания.

Почту решили засургучивать в пустые бутылки и швырять в океан. Так прошло полгода. Старшие дипломаты курсировали вокруг острова на пирогах в ожидании бутылок с указаниями из Москвы, завхоз нырял с острогой за рыбой, остальные в обязательном порядке изучали русский язык и раз в неделю посещали книжную выставку...

Первыми о существовании совколонии на необитаемом острове прознали различные каталожные фирмы. Однажды в лагуне были выловлены закупоренные в бочонки каталоги. Отправили первые заказы. С тех пор регулярно вылавливали плавучие посылки. Но Центр молчал.

В клубе решили провести лекцию об острове.

— Остров имени Мирного Сосуществования,— начал Самостроев,— имеет три километра в диаметре. Его внешняя политика традиционно...

И тут Петров проснулся в холодном поту.

За окном резвились пересмешники, издавая гротесково-хохочущие звуки. Кричал петух, пахло свежей травой. С интервалом в пятнадцать секунд где-то совсем рядом три раза ухнуло орудие. Задребезжали стекла. Свист уходящих вдаль снарядов красиво вписался в утреннюю партитуру.

Петров растолкал жену со словами: «Любимая, пора эвакуироваться!»

Пока Петров брился, жена варила кофе и давала последние указания: много не пить, с начальством не конфликтовать, деньги экономить. Петров соглашательски бурчал. Потом к ним зашли Малышевы.

— Ну что, готова? — спросила Малышева Петрову.

— Готова. Ты что с собой берешь?

— Видик.

— А я шубу.

— Девочки, пора,— сказал Малышев.

Они вышли во двор, где уже собрались все жильцы. Водитель посла пригнал на жилой комплекс микроавтобус бюро АПН. Завхоз укреплял на капоте своего «лендровера» советский флаг. Ему предстояло возглавить колонну.

Женщины и дети разместились в микроавтобусе и «лендровере», а мужчины сели в машину советника и в разгонную. Поехали к посольству, у ворот которого был назначен общий сбор. Туда привезли своих жен и детей сотрудники аппарата торгового советника, зав. бюро АПН, представители ССОД и Аэрофлота. Последним подъехал директор курсов русского языка. От него, как всегда по утрам, бодро пахло свежим перегаром.

— Вы уж хоть бы в такой день не очень-то,— сказал ему посол.

— Да вот переволновался вчера...

Когда все было готово к отъезду, состоялся импровизированный митинг. Его открыл совпосол.

— Ну, что,— сказал он,— всякое бывает. Просьба не гнать, следить за состоянием автотранспорта. А то тут у нас некоторые бьют машины, а потом не знаешь, как выкручиваться со сметой. Доброго пути!

При этих словах некоторые женщины прослезились.

Через три минуты замыкающая машина скрылась за поворотом.

Через час начался штурм города...

* * *

Малышев короткими перебежками двигался от резиденции к зданию посольства, зажав под мышкой блок прокисшего представительского «Мальборо». Стрельба за забором поднялась ураганная. Наступила кульминация штурма. Наступавшие теснили верный правительству гарнизон, который оставил центральную часть Фултауна и закрепился как раз в привилегированных предместьях, где находились посольства и резиденции министров.

Воюющий город представлял собой живописное зрелище. Малышев с поваром посла даже сделали несколько фотоснимков с балкона второго этажа резиденции: в яркое, голубое небо, где неподвижно зависли редкие облака, уходили два больших черных дымовых шлейфа. Что-то сильно горело. Хорошо было видно одно из многоэтажных зданий, из окон верхних этажей которого часто били вниз трассирующими,— это отстреливались окруженные солдаты гарнизона.

Малышев благополучно добрался до двери в посольство, открыл ее... В это время за забором взорвалась мина. Взрывная волна со страшной силой толкнула его в спину. Референт влетел в посольство, ударился о стену и рухнул около стола дежурного коменданта. Дверь за ним с треском захлопнулась.

На шум выскочили Самостроев с Петровым. Малышев сидел на полу. Над ним стоял дежурный комендант и разводил руками.

— Курево принес? — спросил Петров.

— Аск *, старик! — сказал Малышев.

* Спрашиваешь *(ирон.— искаженн. англ.)*.

Со стр. 10.

КТО БЕРЕТ ПАЛКУ?

как Сатин, Лука и Клещ. Что-то общее с Настеной имеет Русалка. А Хитрый мечтает о путешествии в жаркие страны, совсем как горьковский Актер, поверивший Луке, будто где-то далеко есть город, в котором можно излечиться от алкоголизма.

Герои Дударева, как и герои Горького, параллельно живут во времени прошедшем и настоящем. Но и у тех, и у других нет реальных перспектив на будущее. Известный, талантливый белорусский драматург, автор «Порога» и «Рядовых», мог бы, безусловно, сочинить вполне оригинальное произведение. Но он стремился не к простому совпадению названий и места действия. Как когда-то Горький, Дударев хочет сегодня привлечь внимание общества к героям, о которых еще недавно говорить было не принято. У одних они вызовут гнев, у других — презрение, у третьих — сочувствие.

Подобно остальным пьесам Дударева, «Свалка» содержит в себе множество тайн. Некоторые из них так и останутся не разгаданными до конца. Например, дударевские персонажи буквально захлебываются от сквернословия (тут и «говняцкий насос», и «падлы», и «курвы», и «бляхи», и «спидоноски», которые время от времени направляются «к едреной матери», а то и подальше). С одной стороны, конечно, понимаю: действие происходит не в пансионе для благородных девиц, а на свалке. Ведь и Барон кричал когда-то Настенке «шлюха»! Было это, было!

Но с другой, чтобы со сцены Художественного театра предлагали «мать вашу... за ногу» или «трахнуть на раскладушке», до этого прежде никто как-то не додумывался.

Однако своеобразие новой работы театра заключается не только в словарном запасе нынешних обитателей ночлежки. Они дополняются выразительной, недвусмысленной пластикой (главным образом ниже пояса) и подозрительными газами, распыляемыми людьми в противогазах по всему огромному пространству сцены — да так щедро и обильно, что и зал начинает «благоухать»; и даже вполне натуральным запахом злого человеческого пота, который не перешибить никаким газом и который распространяется от артистов аж до десятого ряда партера. Оглушающая музыка М. Гройсбурга в сочетании с грандиозно никакими конструкциями И. Бочоришвили не дают возможности хоть как-то сосредоточиться на актерских работах. Разве можно в таком грохоте и суете рассчитывать на сострадание? А без этого какой смысл было затевать сыр-бор?

Конечно, кому-то все же удается чуть-чуть прорваться сквозь кромешный мрак. Например, В. Расцветаеву, С. Габриэляну, А. Пескову. Но ведь этого мало. К тому же свой прорыв актеры совершают через голову режиссера В. Беляковича, вопреки его эстетике, оказавшейся весьма далекой от эстетики МХАТа. Так что в результате в самом деле получилась свалка. Правда, не совсем та, ради которой была написана пьеса Дударева...

Был бы жив Владимир Иванович Немирович-Данченко, он бы, конечно, предостерег всех — и автора, и режиссера. А так в который раз восторжествовал известный принцип: кто взял палку, тот и капрал...

Кшиштоф ЖЕСНЁВЕЦКИ
(Польша)

ТРЕТЬЕ ЖЕЛАНИЕ

Именно такой я себе и представлял ту самую волшебную золотую рыбку, о которой создано столько сказок, сочинено столько песен и даже анекдотов. Ее чешуя отливала ослепительным червонным золотом, а головку украшала миниатюрная корона, усыпанная мелкими бриллиантами. И, конечно же, я нисколько не удивился, когда она, трепыхаясь в сачке, заговорила человеческим голосом:

— Отпусти меня, добрый человек!

— А три мои желания исполнишь?

— Я могу исполнить только одно твое желание,— ответила рыбка.

— Почему одно? — удивился я.— Раньше всегда было три!

— Сейчас кризис,— пропищала она.

Я поднял сачок повыше и сосредоточился на задумывании желания.

— Быстрее! — взмолилась рыбка.— Я начинаю задыхаться!

— У меня столько желаний, что из них трудно выбрать какое-нибудь одно.

— Ладно, исполню два! Только отпусти меня поскорее.

— Теперь уже легче. Итак, я хотел бы очутиться за тридевять земель, в какой-нибудь теплой стране и стать кем-нибудь очень знаменитым.

— Ну, это не сложно,— сказала золотая рыбка и махнула хвостом.— Сейчас оба твои желания исполнятся.

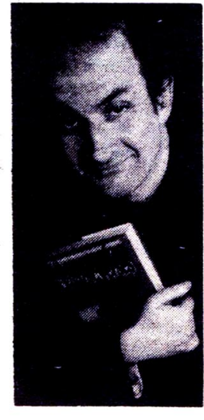
Я почувствовал, как меня подхватил мощный вихрь. Стало вдруг нестерпимо жарко. Во время стремительного полета я попытался снять с себя пальто. Мне это удалось сделать в самый подходящий момент — пальто смягчило мое приземление в центре большой городской площади, которую со всех сторон окружали белые глухие стены домов. Увидев над собой высокую башню минарета, я понял, что нахожусь в одной из восточных стран. На противоположной стороне площади, в тени единственного платана, стоял грузовик, на борту которого среди арабской вязи я обнаружил единственную латинскую надпись: «Тегеран». В кузове грузовика маячили какие-то люди.

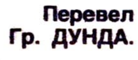
«Первое желание исполнено,— констатировал я.— А как насчет второго? Если я знаменитый, почему меня никто не встречает? Кто же я теперь?»

Порывшись в карманах пальто, я обнаружил паспорт с изящной золоченой надписью и гербом на обложке. Я улыбнулся — паспорт был британский — и с волнением его раскрыл. О ужас! Что это? В графе «нэйм» значились имя и фамилия владельца документа: Салман Рушди.

На грузовике меня уже, очевидно, заметили — ко мне медленно приближались бородатые мужчины в чалмах. Я ничком упал на пальто и инстинктивно зажмурился, чувствуя, как мое тело обливается холодным потом. Я застонал от страха, а когда открыл глаза, то увидел над собой белый потолок собственной спальни. С облегчением и радостью глядел я на знакомые предметы. У окна, рядом с пальмой в кадке, стоял аквариум. В нем плавал пурпурный китайский карась, удивительно смахивающий на ту самую золотую рыбку. Карась уставился на меня своими выпученными глазищами, и на минуту мне показалось, что он, тыча губастой пастью в стекло аквариума, произнес:

— Можешь считать свое пробуждение третьим исполненным желанием...

Перевел Гр. ДУНДА.

ИЗ АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

Джон УИЛМОТ, граф РОЧЕСТЕР (1647—1680)

Как добр наш король, да хранит его бог.
В пустых обещаниях смел он,
Он глупого слова ни разу не рек
И умного дела не сделал.

Хилэр БЕЛЛОК (1870—1953)

ПОЛИТИК

С роскошною помпой, смешной
и нелепой.
Останки политика преданы склепу.
Все шутят, острят, только я безутешен:
Ведь я-то мечтал, что он будет
повешен.

* * *

Писатель (холодный и вялый давно)
Считает, что критик он страстный.
Возможно, скисает плохое вино,
А уксус бывает прекрасный.

Гарри ГРЭМ (1874—1936)

БЕЗЖАЛОСТНЫЕ ВИРШИ

СТРОГИЙ РОДИТЕЛЬ

Папа, рассерженный визгом детей,
Всех побросал их в глубокий ручей,
Крикнув, топя одного из шести:
«Дети должны себя тихо вести».

ПРАКТИЧНОСТЬ

Когда бедняжка миссис Болл
Скончалась от укусов пчел,
Ее супруг, томясь хандрой,
Завел себе пчелиный рой.
Он книгу выпустит в июле:
**«Как сделать продуктивным
ульей».**

Роджер УОДДИС

ВСЕ ЧИСТЫ

Никто не протянул руки,
Никто не цапнул взятки,
Никто себя не замарал —
С моралью все в порядке.
Никто не делал ничего,
Что с рук ему сойдет —
Все были честны, и к тому ж
Был каждый патриот.

Никто из них чужой жене
Браслета не купил,
Никто общественную жизнь
Ничем не отравил,
Никто за место не платил,
Хотя и ходят мненья...
Был каждый честный гражданин
И все — вне подозренья.

Никто себя не продавал,
Не вел подпольных дел,
Никто закон не нарушал,
Никто в тюрьму не сел,
Все были девственно чисты,
В почете и престиже,
Все обитали наверху,
Плюя на тех, кто ниже.

* * *

В нас время не щадит ни острый ум,
ни тело.
Мы время не щадим — и квиты с ним
всецело.

ОПТИМИСТ И ПЕССИМИСТ

Различье меж ними забавно порой:
Один видит бублик, а дырку — второй.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Лишь пять вещей должны вы знать,
И вам язык — не враг:
Кому сказать,
О ком сказать,
Когда,
И где,
И как.

* * *

В две разные двери вы, славу любя,
Войдете к желанной судьбе:
На первой табличка гласит: «От себя»,
А рядом табличка: «К себе».

Перевел Владимир КАЛИНКИН.

Веселин ГЕОРГИЕВ (Болгария)

АФОРИЗМЫ

Тухлые яйца производят люди, а не куры.

Лучше будь неверным верному, чем верным неверному.

Не завидую тому, кто завидует. Завидую тому, кто не завидует.

КООПЕРАТИВ

*Друзья впряглись в тяжелый
воз:
один тянул как муха,
другой — как паровоз.*

Перевел автор.

●

Сильвия впервые самостоятельно отправилась на машине по делам. Вдруг под колесами что-то звякнуло. Сильвия остановилась и с трудом положила выпавшую запчасть в багажник. Когда она приехала домой, муж осмотрел то, что она привезла, и сказал:

— Ничего страшного! Можно ездить и дальше. Только придется отвезти на место крышку от канализационного люка...

●

Психиатр говорит пациенту:

— Ложитесь, пожалуйста, расслабьтесь и спокойно расскажите о ваших проблемах...

— Доктор, вы моя последняя надежда! Дайте тысячу франков до следующей недели!

●

Молодой человек приехал в деревню навестить родителей:

— Чем ты занимаешься в городе? — спрашивает его мать.

— Летаю на самолете.

— Будь внимательней, Чарли. Летай не спеша и пониже.

●

Вор пришел за отпущением грехов в церковь. Но по инерции украл часы у пастора.

— Скажи,— спросил его пастор,— какие на твоей совести грехи?

— Украл часы у одного хорошего человека. Хотите, я вам их отдам?

— Нет, их нужно вернуть тому, кому они принадлежат.

— Но он этого не хочет.

— Раз так, оставь их у себя и не печалься.

●

— Были ли вы раньше в тюрьме? — любезно спрашивает судья.

— Никогда! — заливается слезами вор.

— Не плачьте, молодой человек! На этот раз попадете,— пытается утешить его судья.

Из «Стыршела» (Болгария) и «Шпилек» (Польша).

«Дикобраз», Чехословакия.

— И домик находится всего в нескольких метрах от моря!

«Меркури», Австралия.

«Паланте», Куба.

— По мнению профсоюза, это будет лучшим способом разрешения вашего конфликта.

«Штерн», ФРГ.

БА! ЗНАКОМЫЕ ВСЁ ЛИЦА!..

Вячеслав ДОБРЫНИН

От «Синего тумана»
В душе сплошная рана.
От «Синего тумана»
Ты сам уже охрип.
«Не сыпь мне соль на рану»,—
Твержу я постоянно.
Не сыпь мне «соль» на рану,
И «до-ре-ми» на рану,
И «фа-си-ля» на рану,
Пожалуйста, не сыпь!

Г. ТУМАРКИН, г. Краматорск.

Дружеский шарж В. МОЧАЛОВА.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

13.10.89.
Ушла к директору на ковёр буду через час . . .

(Объявление на приемном пункте стеклопосуды).
Прислал С. Бойко, г. Донецк.

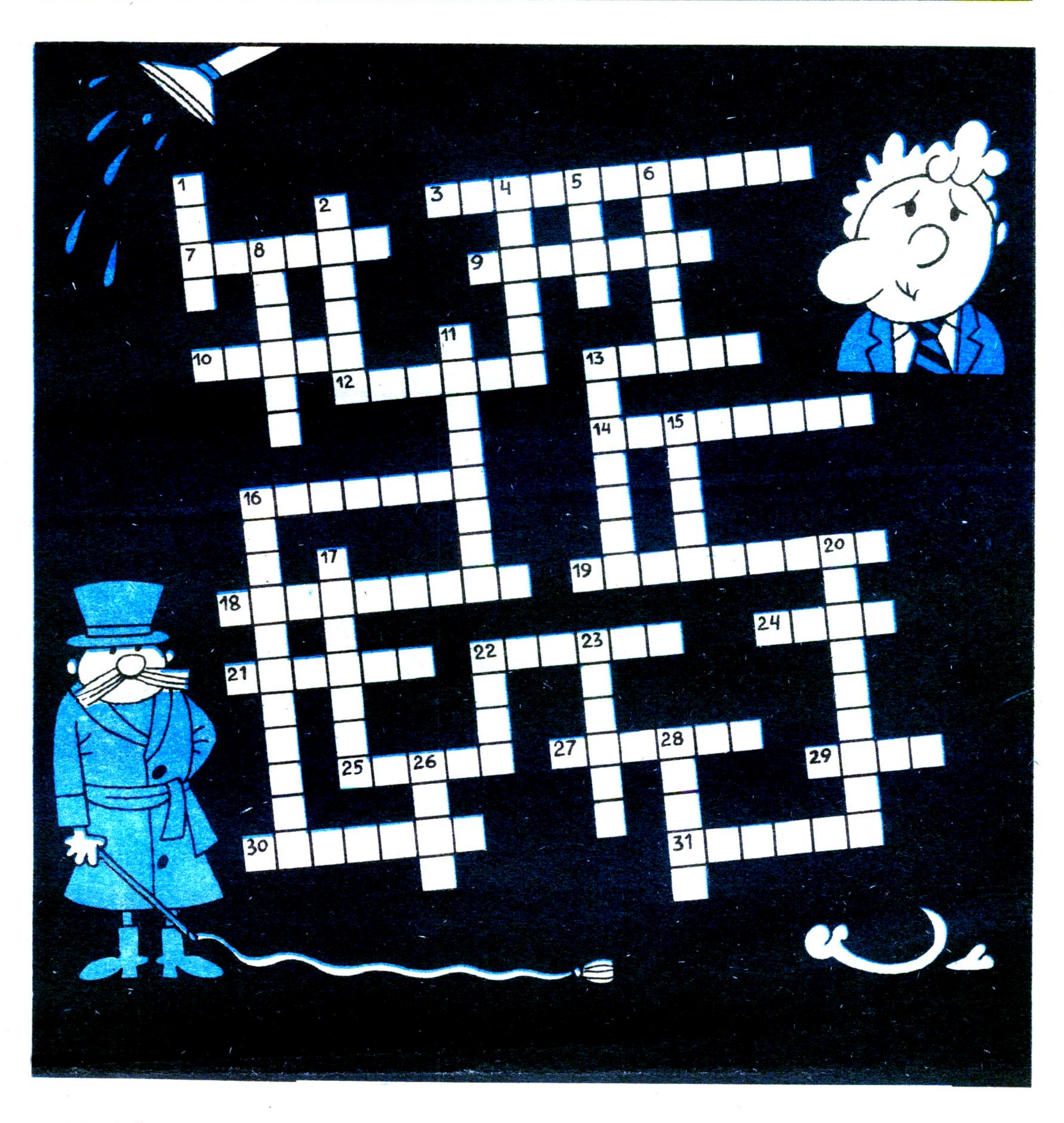
«Арбитр пошел разговаривать со стенкой».

(Из футбольного репортажа).
Прислал Э. Черный, г. Львов.

«...п. 7. Повысить пожароопасность объектов, осуществить маскировку».

(Из приказа о проведении мероприятий гражданской обороны).
Прислал Базулев, г. Ангарск.

КРОКОДИЛЬСКИЙ ВЕСЕЛЫЙ КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Лучший способ ног под собой не чуять *(косм.)*. 7. Домашние животные, возвращающие беседу на круги своя. 9. Бросовая чековая вещь. 10. Лицо у амбала *(груб.)*. 12. Скоро сказанный литературный жанр. 13. Горловая поперечина. 14. Нá тебе, боже, что нам негоже *(производств.)*. 16. Парная повозка. 18. Бегство короля за башню *(спорт.)*. 19. Государство, спрятавшее концы в воду *(миф.)*. 21. Шаблон для ног кавалериста. 22. Слезовыжиматель *(театр.)*. 24. Человек, которого обычно заправляют. 25. Летучая биопищалка. 27. Дефицитный начальник. 29. Аналог специалиста *(прутковск.)*. 30. Флотилия в пустыне. 31. Строевая правая нога *(устар.)*.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Объект заговора. 2. Брат рябчика по классу *(поэт.)*. 4. Новый визуальный объект пункта 7. 5. Строевая левая нога *(устар.)*. 6. Бескозырник. 8. Сундук в морском исполнении. 11. Гид для Митрофанушки. 13. Художественная самодеятельность *(кошач.)*. 15. Сосед блокнота и пулемета *(песенн.)*. 16. Люлька для детища Бертольда Шварца. 17. Лишний у входа. 20. Детское стихотворное посвящение друзьям. 22. Шкурник для витязя. 23. Признак разброда, когда кто во что. 26. Степень освещенности души, когда на ней скребут кошки. 28. Цена Парижа *(дюмовск.)*.

Составил В. Милованов.

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 33

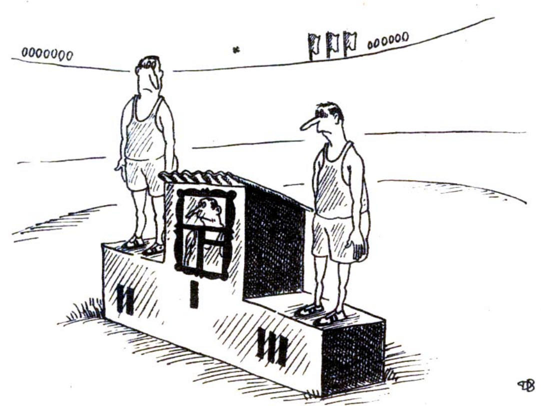
ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Хоровод. 6. Парилка. 10. Вето. 11. Бокс. 14. Пегас. 15. Коллега. 16. Тираж. 19. Разлив. 20. Дятел. 22. Борода. 23. Возраст. 24. Ажиотаж. 28. Клетка. 30. Глаза. 31. Крючок. 33. Ссора. 34. Критика. 37. Скрип. 40. Брак. 41. Улей. 42. Палисад. 43. Окраины.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Совет. 2. Золото. 3. Разбег. 4. Бирка. 7. Генерал. 8. Котлета. 9. Петарда. 12. Балл. 13. Тигр. 17. Квартал. 18. Обложка. 20. Досуг. 21. Ложка. 25. Слесарь. 26. Картечь. 27. Копирка. 29. Тюря. 32. Юбка. 35. Рюкзак. 36. Кружка. 38. Архив. 39. Пенал.

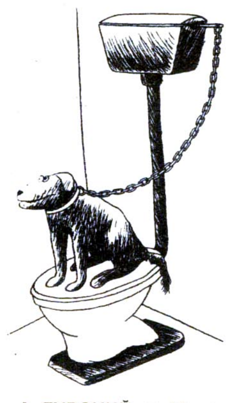
КРОКОДИЛИНКИ

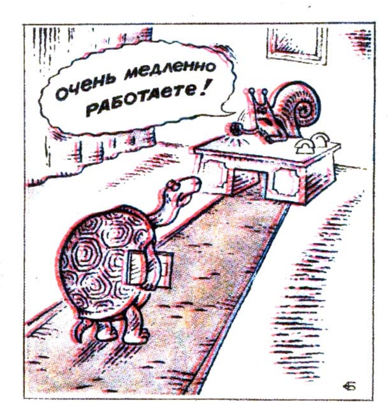
В. ЮЖНЫЙ, г. Одесса.

В. ДУБОВ.

А. ГУРСКИЙ, г. Минск.

Д. БОНДАРЕНКО, г. Макеевка.

СТЕПА ИЗ ГАВАНЫ

В Гаване, помимо «взрослого» юмористического еженедельника «Паланте», выходит еще и молодежный «ДДТ» (и по-русски так же). А в нем один из постоянных карикатуристов — Арес (полное имя — Аристидес Эстебан Эрнандес Герреро, а по-русски Степа). Он по образованию врач, но за свои 26 лет уже успел нарисовать столько веселых рисунков, что печатался и выставлялся не только по всей Кубе, но и в Болгарии, Бельгии, Бразилии, ГДР, Канаде, Колумбии, Никарагуа, ФРГ, Чехословакии, Югославии, Японии. За что и получил в общей сложности 24 премии.

И поэтому, когда Арес появился на пороге «Крокодила», мы воскликнули на чистом испанском:

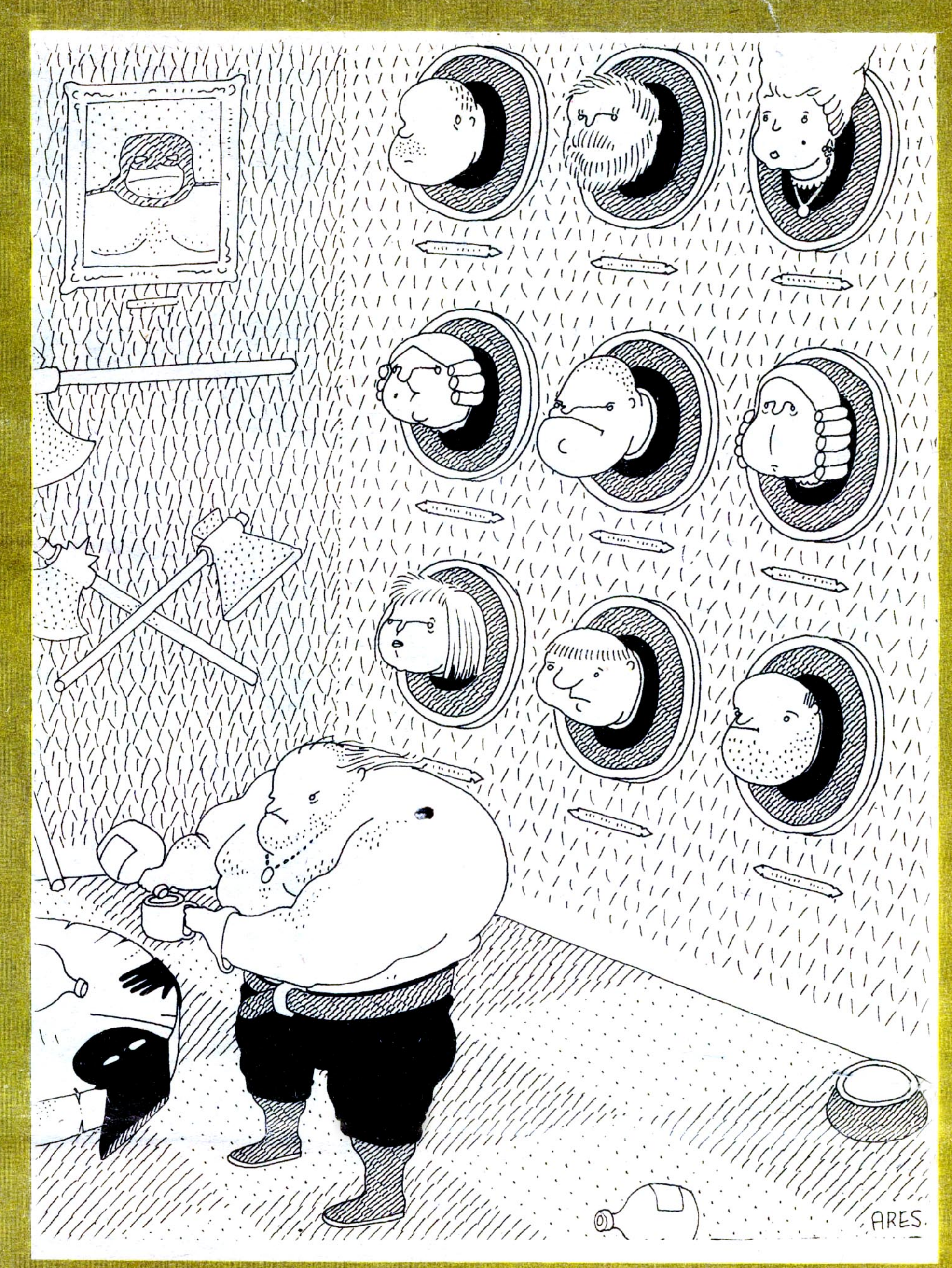
— Степа! Какими судьбами?

— Проездом, — ответил художник,— в турпоездке я. Но не мог не заглянуть на юмористический огонек.

— Надеемся, не с пустыми руками?

— Да уж конечно!— И выложил на стол новые работы, которые мы не замедлили дать в номер.

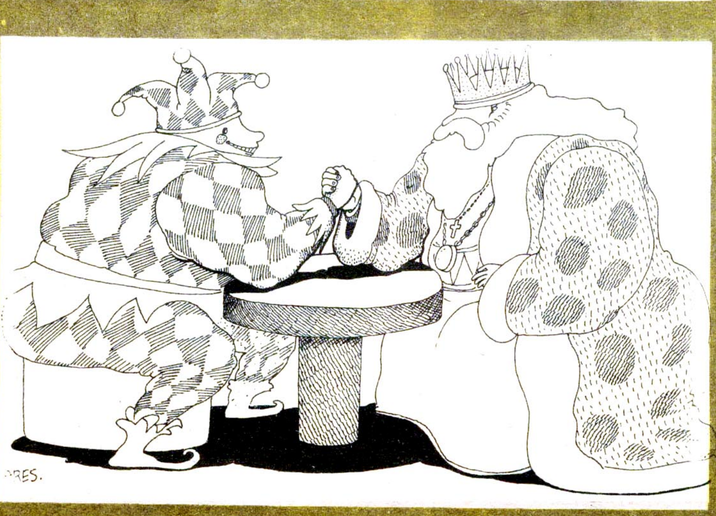
М. К.

30 коп. Индекс 70448.